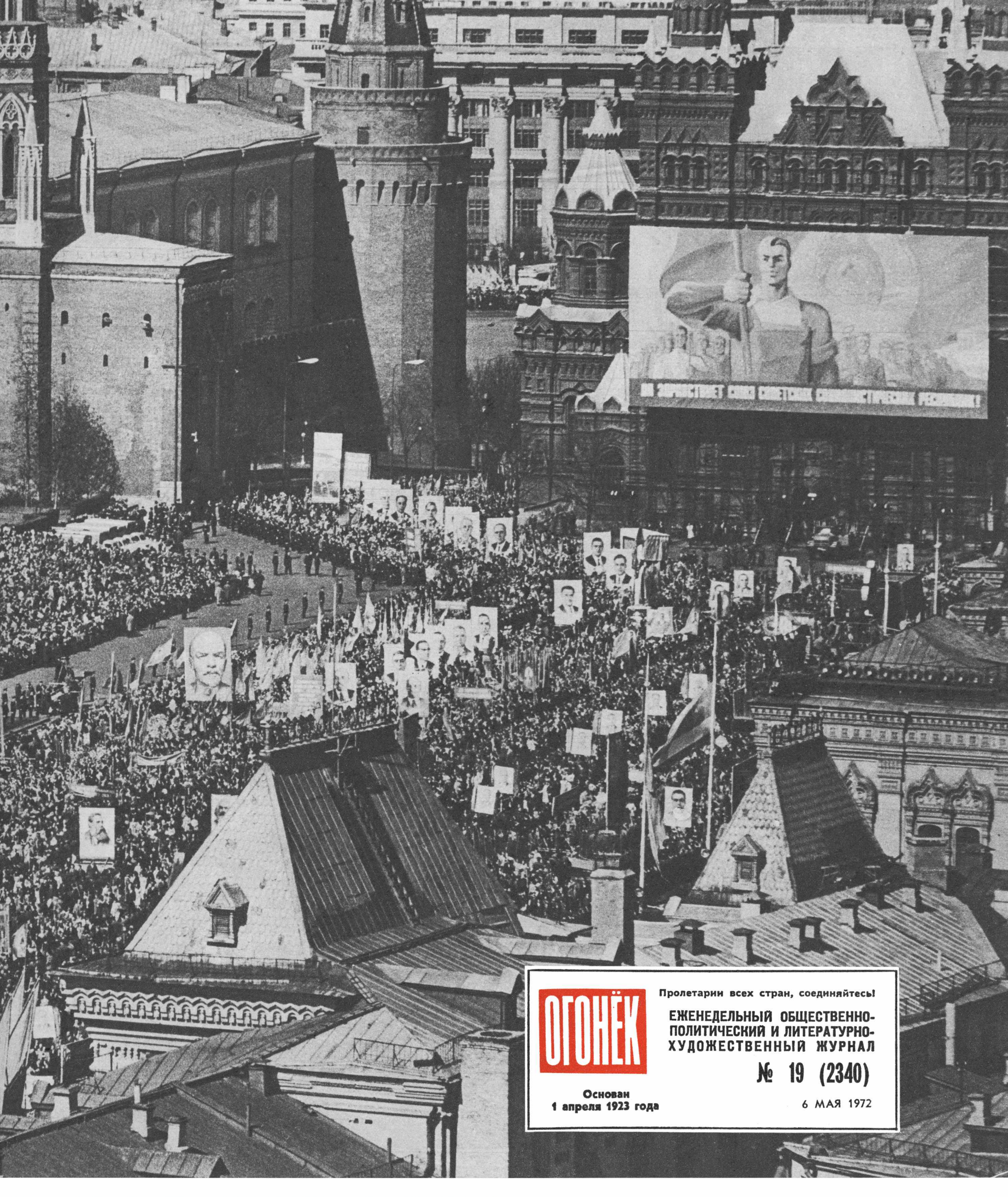

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
С днем Победы,
товарищи!

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 19 (2340)

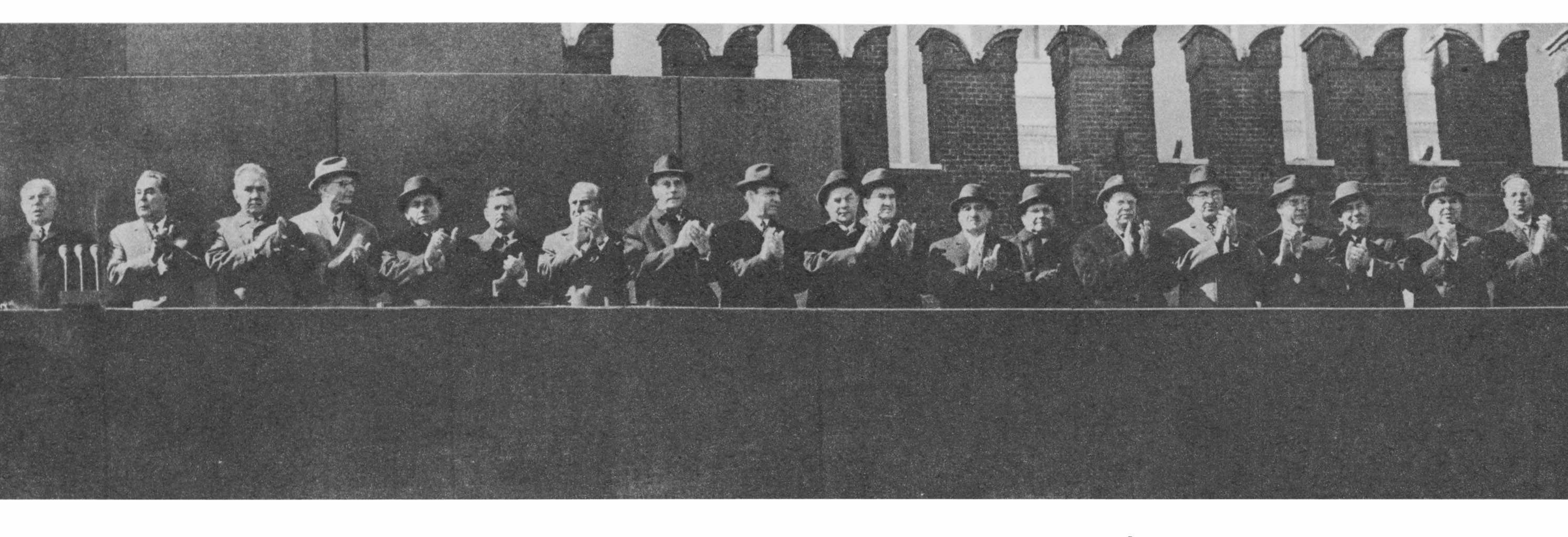
Основан 1 апреля 1923 года

6 МАЯ 1972

1 МАЯ 1972 ГОДА

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

1 МАЯ 1972 ГОДА

Фоторепортаж с Красной площади вели: Дм. Бальтерманц, А. Бочинин, А. Гостев, М. Савин

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства с 27 по 29 апреля 1972 года в Советском Союзе с дружественным визитом находился Президент Арабской Республики Египет, Председатель Арабского социалистического союза Анвар Садат.

Во время пребывания А. Садата в Советском Союзе состоялись переговоры и беседы с тт. Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным.

В переговорах принимали участие:

с советской стороны — министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, посол Советского Союза в Арабской Республике Египет В. М. Виноградов, член коллегии МИД СССР М. Д. Сытенко;

с египетской стороны — советник Президента по вопросам национальной безопасности Мухаммед Хафез Исмаил, министр иностранных дел Мурад Галеб, посол Арабской Республики Египет в Советском Союзе Яхья Абдель Кадер, командующий ВВС генерал Хусни Мубарак.

В Совместном советско-египетском коммюнике отмечается, что Советский Союз и Арабская Республика Египет убеждены в том, что проводимая Израилем при возрастающей политической, военной и финансовой поддержке США открыто экспансионистская политика по отношению к арабским государствам Ближнего Востока продолжает оставаться главным источником напряженности в этом районе и создает серьезную угрозу всеобщему миру. Бросая открытый вызов решениям ООН, грубо попирая международное право, выдвигая безрассудные требования аннексий оккупированных арабских земель, руководители Израиля опасно накаляют обстановку на Ближнем Востоке.

Стороны выразили глубокое удовлетворение развитием отношений дружбы и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Египтом и подтвердили свое стремление к дальнейшему развитию и укреплению этого сотрудничества во всех областях.

На снимке: во время советско-египетских переговоров.

Фото А. Пахомова.

В Москву по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки прибыла делегация Сирийского комитета афро-азиатской солидарности во главе с членом общеарабского и Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения, заместителем председателя комитета Дж. Саддыкни.

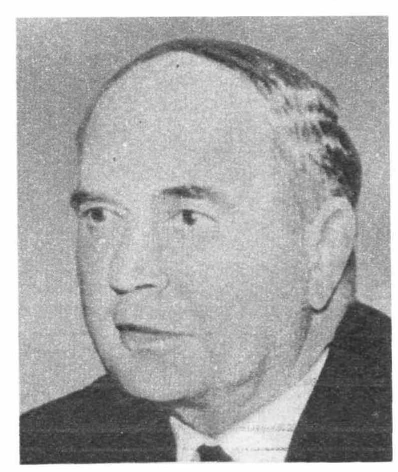
Делегация возложила венки к Мавзолею В. И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата, посетила музей-квартиру Владимира Ильича Ленина в Кремле и Выставку достижений народного хозяйства. Гости из Сирии посетят Ленинград и Баку.

На снимке: члены делегации в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки.

Фото Б. Кузьмина.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1970—1971 ГОДЫ

Э. Х. С. БУРОП — ученый, президент Всемирной федерации научных работников (Англия).

Ренато ГУТТУЗО — художник, общественный деятель (Италия).

Цола ДРАГОЙЧЕВА — общественная и политическая деятельница (Народная Республика Болгария).

ДВА ГОДА НАЗАД, 6 МАЯ, В ПРАЖСКОМ ГРАДЕ БЫЛ ПОДПИСАН СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ.

Этот программный документ, рассчитанный на длительную перспективу, имеет важное значение и для наших дней и для будущего народов обоих социалистических государств.

Каждая строка его пронизана духом интернационализма, стремлением помогать друг другу, вместе защищать завоевания социализма, вместе отстаивать мир и безопасность народов, вместе идти к новым высотам социального прогресса.

Перед вами два документальных кадра из хроники советско-чехословацкой дружбы.

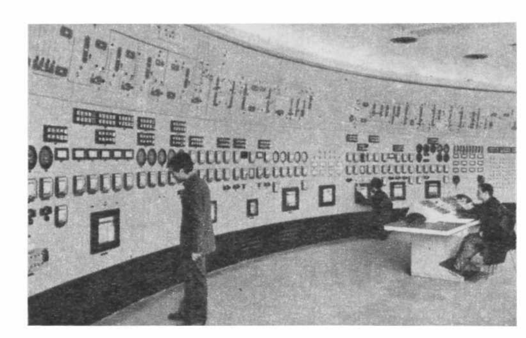
1. Мостом дружбы называют гигантский нефтепровод «Дружба», который люди перекинули через четыре с половиной тысячи километров от Татарии до Братиславы.

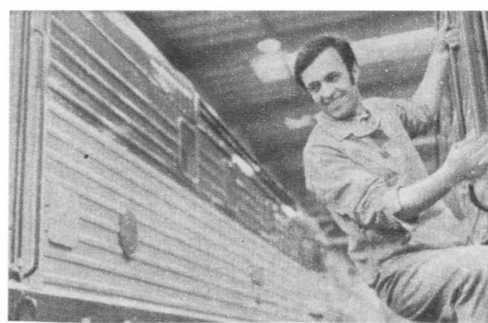
Комбинат «Словнафт» под Братиславой — первое предприятие на пути советской нефти в Чехословакии. Многие из тех, кто здесь работает, прошли стажировку на родственных предприятиях в Советском Союзе. В свою очередь, советские специалисты приезжают ознакомиться с опытом работы своих чехословацких коллег. На снимке: пульт управления нефтеперерабатывающей установки.

2. Продукция локомотивного завода «ЧКД — Соколово — Прага» известна во многих странах мира. Советский Союз на протяжении многих лет является ее крупнейшим покупателем.

Механик И. Митев — один из тех, кто дает путевку в жизнь локомотивам, которые выходят из заводских ворот.

Фото ТАСС и Владимира Ламмера («Кветы»).

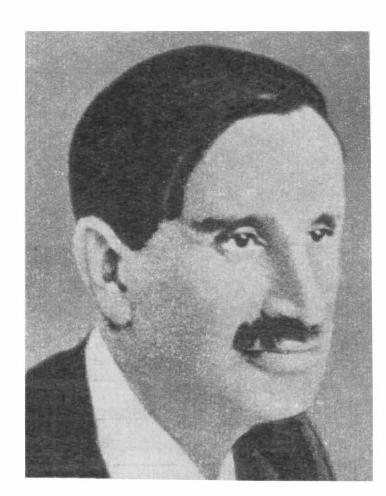
По приглашению Верховного Совета СССР в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась делегация Федерального собрания ЧССР во главе с членом Президиума ЦК КПЧ, председателем Федерального собрания ЧССР товарищем Алоисом Индрой. Чехословацкие парламентарии имели сердечные встречи с трудящимися Москвы, Минска и Волгограда.

25 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился в ЦК КПСС с делегацией Федерального собрания ЧССР.

В тот же день делегацию Федерального собрания ЧССР принял член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

На снимке: во время беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с делегацией Федерального собрания ЧССР.

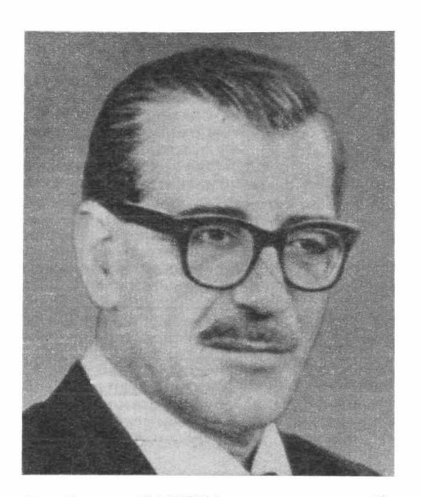
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Камаль ДЖУМБЛАТ — общественный и политический деятель (Ливан).

Эрнст БУШ — деятель искусств (Германская Демократическая Республика).

Альфредо ВАРЕЛА — писатель, общественный деятель (Аргентина).

ВЕСНА ПОБЕДЫ

Бабкен КАРАПЕТЯН

О память сердца!
В день девятый мая
В минувшее вглядеться мы должны...
Идут, винтовки бережно сжимая,
В бессмертье
Революции сыны.

Ты знаешь, память,
Каждою весною
Нам заново отмерен этот путь,
На поле Марсовом побудь со мною,
На Пискаревском кладбище побудь.

И у Кремля тревожно шаг печатай —
Вдоль скорбных елей — из конца в конец,
Не здесь ли у стены лежит зубчатой
Солдата Неизвестного отец?

И снова звезды светят до утра,
И на ветру колышутся знамена,
И мы у пионерского костра
Поем:
— Вставай, проклятьем заклейменный!..

И над страною голоса звенят,
И наша поступь тверже год от года,
И зацветает новый город-сад
В одной версте от нового завода.

Не тот ли город, выросший в тайге,
Не ту ли песню
Страдною порою
Мы грудью заслонили под Москвою,
Спасли на Курской огненной дуге?

И пусть дорог победных было много,—
Навечно в сердце каждого бойца
Из всех дорог главнейшая дорога:
От Смольного
До Зимнего дворца.

Весенними рубинами пылая,
Встает над нами празднично заря,
И наш Октябрь
Неотделим от Мая,
Как Май неотделим от Октября.

Перевел с армянского Я. Серпин.

8 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 27 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕРМАНИИ ОТ ГИТЛЕРОВСКОГО ФАШИЗМА. ЗА ЭТИ ГОДЫ РОДИЛОСЬ, ВЫРОСЛО И ОКРЕПЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ — ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Тесные узы дружбы связывают нашу страну и ГДР. Это находит подтверждение в письмах участников конкурса «Мой друг», который совместно проводят «Огонек» и журнал «Фрайе вельт».

ВСТРЕЧИ В ГОРОДЕ ИККЕРМЮНДЕ

Весной 1945 года в составе войск Второго Белорусского фронта я участвовал в освобождении Германии от гитлеровского фашизма. После окончания войны несколько месяцев мы находились в Иккермюнде (сейчас в округе Нейбранденбург). Там я нашел хороших друзей: Августа Нитца, Франца Хайна, Йозефа Эльснера.

Я хочу рассказать о первом бургомистре города, старом коммунисте, члене партии с 1926 года Августе Нитце. Ему было тогда 62 года. Но он выглядел молодцевато, был подвижен и активен, много работал. Нам приходилось встречаться и днем и ночью, решать множество проблем, чтобы поскорее наладить в городе мирную жизнь. Расставаясь, мы прощались, как отец с сыном, и надеялись, что еще встретимся. Такой случай пришел. К нам в Киргизию несколько раз приезжал старейший журналист ГДР Карл-Хайнц Герстнер (ныне шеф-репортер газеты «Берлинер цайтунг»). В 1966 году он гостил у меня с дочерьми Даниель и Сонни. Они познакомились и подружились с моими девочками Галей и Чинарой.

В апреле 1967 года товарищ К. Герстнер пригласил меня в ГДР. Я сказал товарищу Герстнеру, что очень хотел бы встретиться со старыми друзьями из Иккермюнде.

И вот через 22 года я вновь попал в этот старинный город. 7 мая в районном комитете СЕПГ мы встретились с Августом Нитцем, Францем Хайном и другими ветеранами партии и труда. 8 мая, в День освобождения Германии от гитлеровского фашизма, было большое торжественное собрание, на котором выступил и я. На могилу советских воинов, погибших в Великую Отечественную войну, были возложены венки...

За три дня в Иккермюнде число моих друзей увеличилось. Среди них — секретари райкома СЕПГ Вилли Ремер и Эрих Шмок, молодой бургомистр города Хайнц Клингенберг, работники отделения Общества германо-советской дружбы Рудольф Бенн, Вернер Рихардт, командиры и политработники Национальной народной армии ГДР.

В октябре 1969 года я приехал в Иккермюнде на празднование 20-летия ГДР и вновь увидел своих старых и новых друзей. Августу Нитцу было уже 86 лет. Мы долго беседовали с ним и его дочерью. Это была наша последняя встреча. Через несколько месяцев он скончался.

На этот раз я объездил весь город, начиная от детского сада, кончая домом престарелых. Там меня ждала 65-летняя фрау Фрейфельд — жена нашего бывшего переводчика. Она только что отметила свой день рождения и, оставив большой торт, ждала меня в гости. Какая встреча почти через четверть века!

В один из праздничных дней я был приглашен на завод осветительной аппаратуры, передовая бригада имени германо-советской дружбы избрала меня своим членом и вручила знак «Активист социалистического труда». С тех пор я переписываюсь с этим коллективом.

Когда я шел по улице Иккермюнде с товарищами в театр, ко мне неожиданно бросилась пожилая женщина и, плача, стала меня обнимать и целовать. «Вилли, Вилли!» — твердила она сквозь слезы. И я узнал ее. Познакомились мы с ней так.

Однажды в полночь раздался громкий стук в мою дверь. Дело было в 1945 году в Иккермюнде. Я вышел на улицу и увидел плачущую женщину. Рыдая, она объяснила, что ее четырехлетний сын Вилли тяжело заболел, и умоляла меня показать его советским военным врачам.

Мы сели в машину и поехали за ребенком. Малыш сильно кричал, пока его везли в нашу медсанроту. Врачи установили, что у него острый аппендицит, и начали готовить его к операции. Я вышел и сказал матери, мол, не беспокойтесь, все будет хорошо. Но она очень просила, чтобы я не уходил.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

■

По радио и телевидению часто звучат литературно-музыкальные программы, подготовленные нашими друзьями из ГДР. И почти всегда в них исполняется песня «Калинка».

Когда и как эта песня стала широко известна в Германии?

Летом 1947 года в Берлин прибыл Ансамбль песни и пляски Советской Армии имени Александрова. Артисты дали несколько концертов в зале Берлинской оперы. Но желающих послушать и посмотреть советских певцов и танцоров было столько, что их не смогло вместить ни одно уцелевшее помещение. Тогда решили дать концерт под открытым небом. Выбор пал на широкую площадь недалеко от Бранденбургских ворот.

Здесь все было разрушено: зияли пустыми окнами руины зданий драматического театра, какой-то кирхи; чернели коробки сгоревших жилых домов.

Ранним июльским утром на площадь пришли строители и начали возводить эстраду, автомашины подвозили скамейки. В полдень выглянуло солнце, и на площади стали появляться первые зрители. С каждой минутой их становилось все больше. Через час скамейки были заняты. А ко времени появления ансамбля всю площадь и руины вокруг заполнили люди.

Пришли послушать наш ансамбль Вильгельм Пик, Отто Гротеволь и другие видные деятели демократической Германии.

Концерт очень понравился берлинцам. Особый успех имела «Калинка». С первого же припева она захватила публику. Слова большинству слушателей, конечно, не были понятны. Но мелодия песни, ее широта и жизнерадостность покорили их. Солиста, исполнявшего «Калинку», долго не отпускали с эстрады. Площадь гудела от возгласов одобрения и требований повторить песню. И «Калинка» была исполнена трижды.

Когда закончился концерт, над площадью полилась мелодия «Интернационала». Начатая стихийно несколькими голосами, она была подхвачена многотысячной аудиторией и вскоре широко разнеслась вокруг. Гимн был спет, но люди не расходились. Они еще долго аплодировали ансамблю. И только вместе с артистами покинули площадь, напевая «Калинку». Она и теперь, эта раздольная русская песня, живет в сердцах наших друзей — свободных граждан социалистической Германии.

В. ФАРБЕРОВ,
полковник в отставке

Ленинград.

■

Мы дружим с семьей Хейм — Гертрудой, Рольфом и их детьми Гизелой и Андреасом. Знакомство состоялось семь лет назад, когда они приехали отдыхать к нам в Сочи. С первого же дня у нас установились очень теплые, сердечные отношения с этими людьми.

Родители Рольфа Хейма работают на галантерейной фабрике в городе Зуле, а сам он окончил Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева в Москве, защитил диплом на тему «Организация социалистического сельского хозяйства» и стал директором госхоза у себя в ГДР. Потом Рольф несколько лет работал в Москве, а сейчас живет в Берлине.

Дочь Рольфа Гизела учится в школе имени Вильгельма Пика, изучает русский язык, очень любит читать Пушкина. Она мечтает поступить в советский вуз. А ее братишка Андреас — большой поклонник советских дворовых футбольных и хоккейных команд.

Вот строки из последнего письма наших друзей:

«Мы пять лет жили в Советском Союзе, детство наших ребят связано с Москвой. Здесь они пошли в школу и начали заниматься русским языком. Подружились с советскими ребятами. Побывали в ленинских местах. Выставка достижений народного хозяйства СССР, Дворец пионеров и, конечно, московская зима — все это незабываемо!

Мы часто вспоминаем Сочи, вашу семью.

Как видите, наша дружба превращается в дружбу двух поколений».

Овсеп ПЕТРОСЯН

Сочи.

Пока шла операция, женщина крепко сжимала мои руки в своих ладонях, и только убедившись, что жизнь сына спасена, она отпустила их. С того дня каждое утро у моего крыльца появлялись свежие цветы.

— Сейчас Вилли в армии,— рассказывала моя знакомая.— Как жаль, что вы его не увидите. Узнав из газет, что вы в Иккермюнде, я специально приехала из города Гера еще раз поблагодарить вас.

Вот какая произошла у меня встреча в знакомом Иккермюнде.

Я часто выступаю на киргизском и русском языках по радио и телевидению, в печати, рассказываю об успехах социалистического немецкого государства. У меня дома есть уголок города Иккермюнде, где выставлены снимки, альбомы, в середине стоит бюст Эрнста Тельмана, подаренный мне в ГДР. Двум школам Киргизии я помог наладить переписку со школами Иккермюндского района.

Махмуд ГАФАРОВ

Фрунзе.

■

В «Огоньке» я прочитала заметку В. Галла «Ночь на передовой» — о Кони Вольфе, и мне захотелось написать о его отце Фридрихе Вольфе, которого я хорошо знала и которого считаю своим добрым другом, потому что, сыграв в его пьесе «Профессор Мамлок», я получила путевку в искусство. Это было в 1934—1935 годах. На сцене театра имени МГСПС репетировали пьесу Ф. Вольфа «Профессор Мамлок». Ставил спектакль замечательный артист Любимов-Ланской, он же играл профессора Мамлока. Оформление было поручено великолепному художнику Пименову. Вместе с автором они каждое утро появлялись в тихом, уютном зале театра, и в добром содружестве начиналась творческая работа. Я хорошо помню Ф. Вольфа. Красивый, скромный, обаятельный, очень интеллигентный. В его пьесе я, тогда студентка последнего курса театрального училища, играла дочь профессора, Рут Мамлок. О спектакле потом много и хорошо писали в газетах. Интересной была сцена у Рут с подпольщиком, рабочим, которого отлично играл Ванин. Позднее, на вечере в ЦДРИ, я встретила Ф. Вольфа, и он представил мне своего сына Кони. Он был пионером и в отличие от отца хорошо говорил по-русски. Меня интересовала судьба этих людей после войны. Я узнала, что Ф. Вольф, как и подобает настоящему патриоту, уехал на родину, а его сын учился у нас. Я очень рада, что Кони продолжил дело отца, с которым мне посчастливилось работать.

Актриса ЦТСА С. ТЕРЕНТЬЕВА

Москва.

ПЯТАЯ ЛУННАЯ «ОДИССЕЯ»

Валерий **ПОЛЯНСКИЙ**,
научный сотрудник

В бездонном небе над покрытым барашками ультрамарином Тихого океана показалась точка. Вот над ней стали видны белые одуванчики тормозных парашютов, на месте которых через несколько минут вспыхнули три оранжевых купола. Еще немного ожидания — и фонтан белой пены заключил в земные объятия капсулу с экипажем корабля «Аполлон-16». Отважные астронавты Джон Янг, Томас Маттингли и Чарльз Дьюк возвратились на Землю из одиннадцатидневного лунного путешествия.

Итак, очередная экспедиция американских астронавтов на Луну окончилась благополучно. Несмотря на ряд невыполненных экспериментов и сокращение времени пребывания на селеноцентрической орбите, экспедиция, по словам ученых, прошла «баснословно успешно».

Астронавты доставили на Землю около 110 килограммов лунных камней и образцов поверхностного слоя грунта. Один из камней весом в 18 килограммов доставил космонавтам много хлопот, когда его размещали в отсеке экипажа.

За 20 с лишним часов пребывания вне лунной кабины «Ориона» были обследованы большие участки близлежащей местности. На электровездеходе Янг и Дьюк проделали путь в 27 километров, обследовали гору Стоун, небольшие кратеры Флэг, Спук, Плам и Бастер, побывали у кратера Норт Рей, глубина которого достигает 400 метров. Дно этого кратера, усеянного сплошь огромными камнями, не удалось даже рассмотреть.

Помимо сбора образцов, космонавтам приходилось вести также некоторые измерения и фотографирование. После взлета с Луны на площадке около «Ориона» остался комплект научной аппаратуры, расставленной космонавтами.

Как уже случалось и раньше, в этой экспедиции также не обошлось без тревожных для руководителей полета и экипажа моментов. Только что «Аполлон-16» вышел на траекторию полета к Луне, как космонавты через окно заметили крупные хлопья, отлетающие от поверхности лунной кабины. К счастью, в результате срочной проверки этого явления выяснилось, что это происходит всего лишь не угрожающая жизни и исходу экспедиции отслойка теплоизоляции. Когда все неприятности (и со сбоями в БЦВМ и с неисправностями в системе управления) остались позади, а космонавты были на Луне, радости их не было предела.

Когда Янг и Дьюк впервые вышли на поверхность и осмотрелись, выяснилось, что повезло им больше всего во время прилунения. В трех метрах от «Ориона», оказавшегося в центре кратера, была яма глубиной в 10 метров, а рядом со стойкой шасси лежал огромный камень.

Район высадки экспедиции представляет собой типичное материковое предгорье, и поэтому, естественно, главной задачей исследователей был сбор образцов камней и грунта. Камни, которые космонавты собирали с поверхности или отбивали молотком от крупных валунов, имели чрезвычайно разнообразную расцветку и форму. По возможности их изображение передавалось с помощью телекамеры на Землю, и ученые тут же комментировали находку. Вот один из камней, белый внутри, но покрыт сверху голубоватым «стеклянным» слоем. Другие имеют вкрапления зеленого и черного «стекла». Один из найденных Янгом и Дьюком камней очень напоминал «Образец дня творения», привезенный в прошлую экспедицию. Он получил такое название за свой возраст, определенный учеными в 4,1 миллиарда лет.

Естественно, что старания космонавтов преследовали цель найти характерные кристаллические образцы вулканического происхождения, но попадались в основном только брекчии — спекшиеся куски породы.

Космонавтам приходилось переворачивать большие камни, становиться на колени. Теряя равновесие, они падали на руки и, плавно отталкиваясь руками, словно снятые замедленной съемкой, тут же становились прямо. Одно такое «падение» Дьюка было так комично, что с Земли последовала шутливая просьба повторить его на «бис».

Наконец, среди «удивительно белых камней» около кратеров Саут Рей и Бэби Рей был найден один бело-серый камень чисто кристаллического характера, что немало обрадовало кладоискателей.

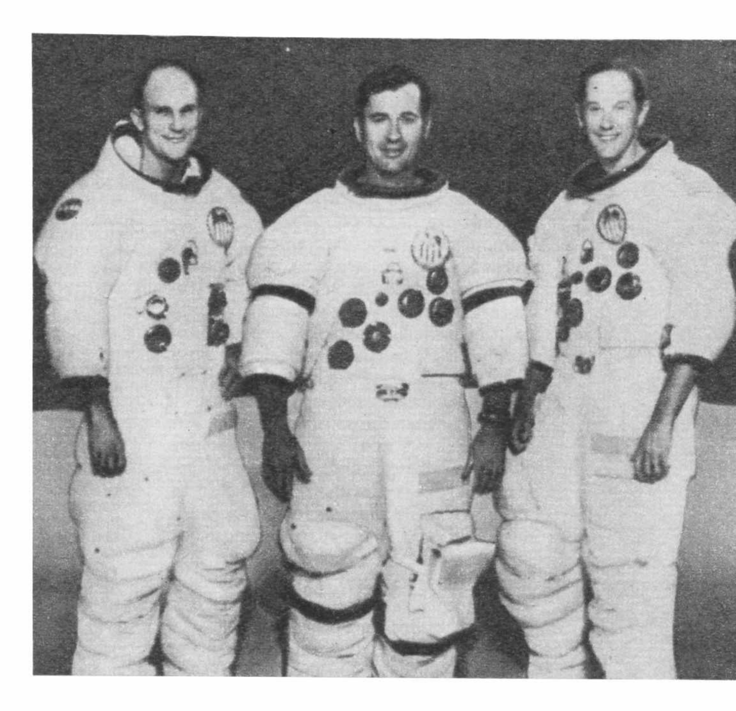
Длительные семичасовые выходы на поверхность Луны отнимали много сил и энергии у космонавтов. Дьюк уже после первого выхода жаловался, что у него сильно болели пальцы рук, а Янгу не нравилось пить много апельсинового сока с большой дозой калия. Но велико желание найти ключи к истории Луны. И Чарли Дьюк упорно, несмотря на боль, продолжал орудовать геологическим молотком, а Джон Янг терпеливо глотал капли сока, поклявшись до конца жизни впредь не брать его в рот. Но постепенно происходила адаптация к работе на поверхности Луны. Если в первом выходе частота пульса космонавтов повышалась до 150 ударов в минуту, то во втором выходе в среднем она составляла 84 удара в минуту. Сердечная аритмия, имевшая место у космонавтов прежних экспедиций, у Янга и Дьюка не была зарегистрирована.

Условия работы на Луне были далеко не земными. Во время третьего выхода из кабины Солнце стояло так высоко, что нагревало скафандры до 87 градусов, в тени же температура составляла минус 65 градусов. Из-за такого нагрева плавились клейкие ленты, крепившие к ранцам сумки для сбора образцов. Космонавты неоднократно теряли эти сумки, на что тут же получали указания с Земли. В один из таких моментов Янг раздраженно заметил: «Следующей экспедиции посоветую пойти в магазин и купить хозяйственную сумку с двумя ручками».

Но подобные мелкие неурядицы не могли затмить того веселого настроения, которое было у космонавтов все дни пребывания на Луне. Перед прощальным заходом в кабину бесстрашные космонавты, как дети, прыгали перед телекамерой. А Дьюк, шлепнувшийся плашмя, сказал: «Надеюсь, эти наши прыжки доставляют вам, телезрителям, такое же удовольствие, как нам».

Наверное, воспоминания об этих ощущениях и вид ярко освещенной поверхности были причиной того, что Янг и Дьюк буквально прилипли к окнам, когда корабль удалялся от Луны. «Я их не могу оторвать от окон»,— пожаловался Маттингли. По-видимому, Луна, покоренная смельчаками, притягивала их еще больше, чем с Земли.

Очередная лунная «одиссея» принесла много новых данных о Луне, о горном континентальном плоскогорье Декарта. К сожалению, поиски ярко выраженных образцов вулканического происхождения не принесли успеха. И, как справедливо высказались американские ученые, эволюция материковых областей Луны, по-видимому, значительно сложнее, чем это считалось до сих пор.

Томас Маттингли, Джон Янг и Чарльз Дьюк.
Телефото ЮПИ — ТАСС.

9 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Доктор Милан ЦОДР, главный редактор журнала «Кветы»

СНОВА ЦВЕТЕТ СИРЕНЬ

Недавно я был в одной пражской школе. Меня встретили у входа мальчик и девочка с красными галстуками и повели в свой класс. На стенах коридора я увидел снимки: Гагарин в ракете, советские воины с цветами, «Луноход» на Луне, советские солдаты с гармошкой, станция, летящая к Марсу... Снимки, снимки... Ракета «Восток», спутник «Молния» со словом «Мир» на борту, снова советские солдаты и дети с красными флажками...

— Это что, выставка? — спросил я.

— Нет, мы просто украсили коридор,— ответил мальчик.— Ведь скоро День космонавтики, а потом 9 Мая.

— Мы все сделали сами! — добавила с гордостью девочка, и на лице ее засияли веснушки.

В тот день от ребят я получил в подарок два снимка: Гагарин в ракете и танки с красной звездой, усыпанные сиренью.

* * *

Все это было как будто вчера. На юге Моравии спустя два дня после того, как по всем дорогам фашистские орды бежали на Запад, установилась тишина. Кое-где еще раздавались запоздавшие одинокие выстрелы. Потом все будто затаило дыхание: и люди, и птицы, и ветер, и старые липы у дороги...

И вдруг на маленькую площадь местечка Дачице влетел на полной скорости танк, завертелся на стальных гусеницах, рассыпая по брусчатке сноп искр, и остановился. Поднялся люк, и показался командир танка, наверное, удивленный тишиной, которая стояла вокруг. Но уже через пять минут площадь было не узнать. Она заполнилась радостными, плачущими, обнимающимися людьми. Подъезжали все новые и новые танки. Люди несли освободителям, которых столько лет ждали, все, что они могли им предложить, цветы, еду и снова цветы.

«Если бы не вы, нас бы не было!» — так думали все в те майские дни. 27 лет прошло со дня, когда пришли к нам красноармейцы, как мы все называли тогда советских солдат. Поэт эти чувства выразил замечательными словами:

Вам благодарность и любовь вам,
И пусть они звучат, как звон
колоколов.

Недавно я снова побывал там, где встретил конец войны. Я прошел это моравское местечко вдоль и поперек. Как изменилось оно, как разрослось вширь и ввысь! В небо поднялись корпуса новой фабрики. В этом когда-то бедном пограничном крае, откуда люди уходили с узелком на заработки в большие города,— десятиэтажные дома с сотнями новых квартир! Когда-то здесь трехэтажный дом считался дворцом. Большая современная больница с тремя корпусами стоит там, откуда к фельдшеру надо было ездить за пятьдесят километров...

В Чехословакии тысячи сел, местечек и поселков. И нет ни одного, где бы за это время не произошло коренных изменений. Прошлым летом я проехал всю республику от Карловых Вар до Свидника в Восточной Словакии. Я останавливался во многих местах. И всюду было чему порадоваться...

В маленькой деревеньке в долине Низких Татр я увидел белый автомобиль с красным крестом. Около него толпились люди. Я подошел посмотреть, что происходит, и увидел надпись: «Стоматологическая амбулатория».

— Приезжают сюда, прямо к нам,— ответил на мой вопрос старик, попыхивающий трубкой.

— А как было во время буржуазной республики?

— Как было?— не понимал он.

— Тоже приезжали к вам доктора?

Старик выпустил кольцо дыма и отвернулся. Но потом все-таки ответил:

— Как же, разве что полицейские приезжали!

...У высокого памятника, установленного в честь павших советских солдат в Свиднике, я увидел группу туристов из Чехии. Пожилой человек, косивший неподалеку траву, им что-то рассказывал:

— Здесь, знаете, до войны было несколько убогих хатенок с соломенными крышами. Бедность эту вам просто трудно представить. Потом пришла Советская Армия, пришел генерал Свобода с нашими. Он был здесь, пока фронт не двинулся вперед. После войны он приехал к нам посмотреть, как мы живем. Пообещал, что все здесь изменится. И вот теперь посмотрите, настоящий город — больница школы, заводы. Для нас то, что стало с нашим селом после освобождения, почти чудо...

Я хочу вспомнить и весну четыре года назад, когда, несмотря на солнце в небе, многие люди у нас как будто ослепли, как будто перестали видеть вещи вокруг себя такими, какие они есть. И повторяли, как попугаи, фразы всяких оппортунистов, ревизионистов, так называемых «друзей народа», которые чернили все, что было за это время сделано. При этом они не стеснялись пользоваться бесплатно всеми льготами, которые предоставляло им социалистическое государство.

Сегодня многие уже прозрели. Они поняли, сколько зла эта слепота причинила народу.

В Праге на горе Петршине, которая весной расцветает как один огромный букет, есть скамейки. На одной из них я познакомился с товарищем Мареком. Сначала мы сидели молча. Потом, слово за слово, он разговорился:

— Мне кажется, вы, журналисты, мало еще показываете молодежи, что все, что нас окружает, не свалилось само собой с Луны... Мы все в определенной мере виноваты в том, что молодежь принимает блага нашей жизни как само собой разумеющееся. А между тем... Я расскажу вам небольшую историю о красном знамени. Хотите?

Это было еще во время буржуазной республики, году в двадцать пятом, кажется, в Брно. Молодые комсомольцы решили как свидетельство своей дружбы послать красное знамя одному из полков Красной Армии. Девушки сделали знамя и вышили его. И знаете, что случилось? Некоторых из них обвинили в предательстве родины, они были осуждены к тюремному заключению. В это же время фашисты послали знамя Муссолини, и никто из них не был наказан... Было не легко публично отстаивать коммунистические идеи во времена «масариковской идеальной демократии». Вы должны, по-моему, больше писать о таких случаях. Ведь это и есть политическое образование...

Мы попытались разыскать красное знамя из Брно. Опубликовали рассказ о нем. Уже через неделю отозвались внуки тех, кто наперекор буржуазным властителям проявил свои симпатии к армии, которая была символом борьбы против капиталистического бесправия и произвола. И хотя знамя пока не найдено, я убежден, что оно будет разыскано и вручено...

Да, товарищ Марек прав. Наш долг—показывать молодым на живых примерах, что наша сегодняшняя действительность досталась тяжелыми жертвами, борьбой и испытаниями.

На нас и сейчас обрушиваются потоки измышлений капиталистических радиостанций. Сколько лжи и вымыслов несется в эфир. Сколько мрачных предсказаний было высказано... А результат? Сегодня, несмотря на все стремления западной пропаганды, несмотря на усилия врагов всяческих мастей, побеждает вера граждан в экономическую политику партии. Люди в последние два года повседневно ощущают рост жизненного уровня.

Конечно, есть у нас еще много недостатков. О них открыто говорит партия. Этими проблемами занимался февральский пленум ЦК Компартии Чехословакии.

Коммунисты говорят откровенно всем: как будем работать, так будем завтра жить! И люди понимают всю суть этих слов. И отвечают трудом, инициативой, растущим доверием к Коммунистической партии Чехословакии. Вот два примера из тысяч.

Яруша Шебестова с завода ЧКД в Праге: «У нас отличное медицинское обслуживание. Есть у нас и ночной санаторий. Все это стоит больших денег. Поэтому хорошо работать — наш долг. Мы делаем сложнейшие станки для СССР. Это для нас экономически выгодно, но и мы для СССР — неплохой партнер. Он с нами заключил, как мы, рабочие, говорим, «заказ века» на 360 миллионов крон. Выполнить этот заказ с честью — это задача и нашей бригады социалистического труда...»

Владислав Червены, председатель Национального Комитета в Новом Месте-на-Метуе в Восточной Чехии: «На предвыборных собраниях люди говорили, что придется организовать двухсменное обучение школьников. Депутаты на одном из первых заседаний решили построить школу. Это было в конце года. А сегодня рабочие постановили отработать на строительстве 20 тысяч часов бесплатно, местные предприятия выделяют около миллиона крон, студенты технического училища сделают слесарное оборудование, а рабочие из Ставостроя привезут песок и оборудуют площадку. Таким же образом мы построим и кинотеатр на 428 мест. Это будет самый большой и самый красивый кинотеатр во всем Восточно-Чешском крае...»

Весна разливается свежей зеленью по всей нашей стране. Цветут абрикосы, яблони, черешни... Пробуждается не только природа, но и люди. Воодушевление — удивительная вещь. Всюду пробиваются его родники, которые сливаются в реку, в могучий поток.

И снова цветет сирень. Ее запах напоминает весну 45-го. И вновь звучат слова Клемента Готвальда: «С Советским Союзом — на вечные времена!»

Л. Григорашенко (Кишинев). КИШИНЕВ ОСВОБОЖДЕН.

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

М. Данциг (Минск). ПАРТИЗАНСКАЯ СВАДЬБА. (Фрагмент).

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

В СТЕПИ ЯСТРЕБИНОЙ

Вячеслав КОСТЫРЯ, фото Алексея ГОСТЕВА, специальные корреспонденты «Огонька»

О достижениях и перспективах народного хозяйства Казахской ССР в девятой пятилетке наши корреспонденты беседовали в Алма-Ате с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Куда лучше поехать, чтобы почувствовать темпы роста: к нефтяникам Мангышлака, металлургам Караганды, энергетикам Бухтармы, химикам Чимкента!..

Ответ был таков: хорошо бы съездить еще и к машиностроителям Целинограда, медеплавильщикам Балхаша, горнякам Лениногорска, а также к работникам сельского хозяйства... Вот Павлодарско-Экибастузский узел.

О его объектах говорится в Директивах XXIV съезда КПСС:

«Увеличить мощности экибастузских угольных разрезов к концу пятилетки до 56 млн. тонн...

Построить... первые очереди нефтеперерабатывающих заводов в Северном и Южном Казахстане...

Завершить строительство... Ермаковской ГРЭС...

Осуществить дальнейшее... развитие мощностей по производству глинозема на Павлодарском алюминиевом заводе...

Закончить строительство первой очереди Павлодарского химического комбината...

Завершить строительство тракторного завода в Павлодаре...

...построить нефтепровод Омск — Павлодар — Чимкент».

ТОВАРИЩ ДЖУРБАЙ

Виновата, по-видимому, строка из стихотворения Павла Васильева: «Мой Павлодар, мой город ястребиный...» Глаза невольно искали в павлодарском небе хоть одного ястреба! А оно, по-современному разлинованное высоковольтными проводами на плечистых опорах, буднично клубилось дымами и паром.

По календарю весна, но пока только по календарю... Ястребы — тетеревятники и тювики — все еще отсиживались в своих вершинных гнездовьях на Алтае и в поросших лесом ущельях Тянь-Шаня.

Возникнув как один из форпостов на тысячеверстной укрепленной линии Российского государства по Иртышу, Павлодар почти двести лет простоял на «трех китах» — это соль, река, ветер. Казачий город быстро становился купеческим, а окрестные казахские аулы, их земельные и прочие богатства — полем бурной предпринимательской деятельности павлодарских богатеев и местных баев.

Собственно, все началось с соли. По фамилии купца Корякова поначалу назывались и форпост и озеро, из которого под охраной казачьего наряда соль добывалась. И что ни озеро, то соляной промысел. А их здесь сотни. Свози почти даровой груз на берег Иртыша и гони его туда, где платят подороже.

Когда вдосталь «просолились» ближние прииртышские края, потащили железнодорожные составы павлодарскую соль в Западную Сибирь, а затем все далее и далее, на самый Дальний Восток к рыбакам. С тех пор и начали повсюду в мире похваливать российскую тихоокеанскую сельдь, хотя мало кто знал, отчего она столь вкусна.

А ветер? Что ж, время надоумило и на постылый, неприкаянно шугающий из края в край Кулундинской равнины ветер взглянуть корыстным оком, а не просто отгораживаться от него бревенчатым частоколом крепости да аршинными втолщь стенами срубов — жилых хором и амбаров из кондовых таежных плах, проконопаченных мхом и сухим разнотравьем. В купеческие закрома погнал этот ветер белейшую муку, перемалывая на восьмидесяти трех знаменитых павлодарских мельницах яровую пшеницу, выращиваемую в дикой степи переселенцами с Украины. И что больше всего отчаивало местных казахов-скотоводов, — куда бы ни дул этот неистовый ветер-сквозун, а шерсть, мясо, молоко, жир прямо с пастбищ непременно устремлялись к нарядным, беловойлочным, с цветными узорами юртам старейшин и в ненасытные пасти бревенчатых, а затем и кирпичных лабазов.

Из этих-то природных, так сказать, прядей — соли, реки, ветра — и вывязался как бы сам собой первый промышленный павлодарский узелок. Но если соль да река и поныне колоритно выделяются в огромном и многослойном клубке теперешнего индустриального комплекса Павлодарского Прииртышья, то ветер с появлением здесь паровых мельниц, паровозов и пароходов, работавших на угле Экибастузского месторождения, постепенно напрочь выплелся из производственного узелка. Разгонистый ветер стал высокой поэзией степи ястребиной, ее мятежной, ищущей справедливости и счастья душой. Недаром тот же Павел Васильев писал о революции в этом крае:

Товарищ Джурбай!
Мы с тобою вдвоем.
Юрта наклонилась над нами.
Товарищ Джурбай,
Расскажи мне о том,
Как ты проносил под седым Учагом
Горячее шумное знамя,
Как свежею кровью горели снега
Под ветром, подкошенным вровень,
Как жгла, обезумев, шальная пурга
Твои непокорные брови.

БУРАН И СОЛНЦЕ

У Мусата Алтынжанова, водителя обкомовского вездехода «ГАЗ-69», тоже «непокорные брови». Правда, по молодости лет парню не пришлось проносить горячее знамя ни в Отечественную, ни тем более в гражданскую, но он, как и коммунисты старших поколений, из одержимых.

— Доедем! — прокричал Мусат сквозь дискантовые взвизги утреннего морозного ветра, мчавшего по ледяному панцирю земли снежные струи со скоростью не менее двадцати пяти метров в секунду.

Ехать почти до Лебяжьего — это только по шоссе добрая сотня километров, а затем ведь еще и в сторону сворачивать, на степную дорогу, к чабанской ферме...

Преодолевая с разгону полуметровые наметы и в момент таранящего удара становясь в буквальном смысле белокрылым, «газик» устремился в открытую, гудящую ветром степь.

— Может, вернемся, Мусат-джан?

— Доедем!

Мусат нависает над баранкой. Натужно щелкает стеклоочиститель.

Встречная машина — это всего лишь два огненно-желтых пятна. Включает фары и Мусат. Для поединка с бураном у него в резерве еще лопата, буксировочный трос, канистра с бензином — обязательный набор для степных рейсов. Мы и поехавший с нами инструктор обкома Владимир Семенович Домашев не в счет: Мусат принципиально не подпускает никого даже к лопате...

Дороги вроде бы нет совсем. Белая мятущаяся степь да степь кругом. Впереди сквозь поперечные струи поземки слегка просматривается темная, зыбкая полоса шоссе... И тут-то перед самым радиатором «газика» пронесся ястреб! Один, второй, третий... Красота! Вот уже целые ястребиные стаи у самой земли форсируют дорогу!..

Хорошо... Но почему эти хищные рябоватые стаи, скользнув на обочине по выстроившимся в шеренги стеблям остреца и словно бы вобрав в себя их камышовую желтизну, вдруг взмывают ввысь и исчезают в синеве, а в небе уже в полную мощь пылает лучистое солнце?

Для Мусата это не вопрос.

— Не пурга, однако, а буран, — засиял он в улыбке и вытер шапкой обильно вспотевшее лицо. — Главное, верхового снега нет, — втолковывал он. — Наш обычный павлодарский буран...

Пожалуй, многое в жизни чабанов Лебяжинского совхоза имени XXIII съезда КПСС осталось бы для нас за семью замками, не будь этой поездки. Да и сами чабаны, неразговорчивые, озабоченные многими неотложными делами, раскрывали себя теперь так же стремительно, как снежные струи павлодарского бурана переходят в яркое солнце.

Худощавый, с красноватыми белками глаз от бессонной ночи Кабдылнасыр Шарбакбаев встретил нас в звонких от мороза сенях, запорошенных вездесущей снежной пылью. Пиджак и брюки в овечьей шерсти, забежал на минутку из кошары в дом взбодриться крепким чаем. Со дня на день (а может, и среди

Угольный пласт-богатырь в Экибастузе.

Бригадир «интербригады» Гарри Мозер.

ночи) начнется массовый окот, и старшему чабану некогда, но, как всякий чабан, он очень рад гостям, все-таки час-другой можно по самой уважительной причине отдохнуть за дастарханом с бешбармаком.

А отдыхать вообще-то Кабдылнасыру совсем нет времени. Отара у него в 629 голов тонкорунных мериносовых овец: запасай корма, корми, пои, подрезай копыта, стриги шерсть, принимай и выращивай ягнят. Только в октябре и можно перевести дыхание.

— Если бы с детства не полюбил овечек, не хватило бы духу дотянуть и до первой самостоятельной осени,— признается Кабдылнасыр.

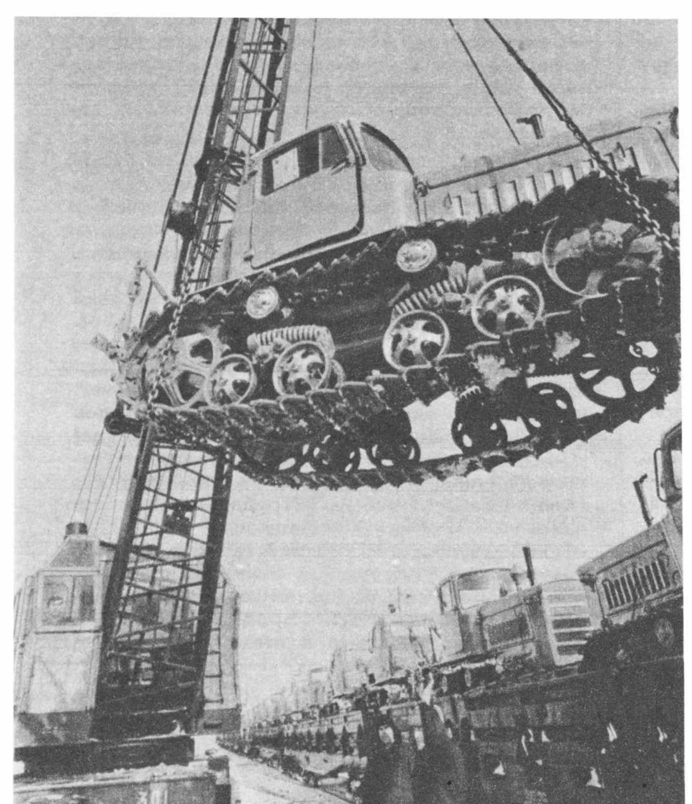
Человек, который привил ему любовь к нелегкому делу, здесь же, за дастарханом. Устало улыбающаяся женщина в простом платке. Не сразу узнаешь, что это Куляй Шарбакбаева, знаменитая Куляй, о которой акыны слагали песни. Все думали, что вершина ее успеха — это победные 6,85 килограмма шерсти с каждой овцы. Но Куляй подарила стране еще два клада, передав чабанский посох — гырлыгу — двум своим сыновьям — старшему Кабдылнасыру и младшему Айтпаю. Да и многочисленные внучата Куляй, как она говорит, «тоже сильно овечка жалеют».

Куляй Шарбакбаевой было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а павлодарцы избрали ее депутатом Верховного Совета СССР. Кабдылнасыр же начиная с 1968 года трижды отличился на ВДНХ, получив золотую, бронзовую и серебряную медали, а за выдающиеся успехи в восьмой пятилетке награжден орденом Октябрьской Революции.

Герой Социалистического Труда Сабит Кадыров, машинист экскаватора: «Оседлаю я горячего коня...»

Во все концы степи... Погрузка тракторов «Казахстан».

Потомственные чабаны — Герой Социалистического Труда Куляй Шарбакбаева и ее сын Кабдылнасыр.

«ТОПТАЙ, ГОША, ДОРОГУ!»

Таких тружеников, как Шарбакбаевы, в степи ястребиной немало. И здесь, на отдаленной ферме, во всей наглядности обнажились живые нити взаимосвязи между промышленностью и сельским хозяйством Павлодарского Прииртышья.

Сельский вклад можно проиллюстрировать на главной шарбакбаевской продукции — тонкорунной шерсти: ежегодно из шерсти, производимой только в совхозе имени XXIII съезда КПСС, может получиться 233 тысячи костюмов.

Но вот существенная «промышленная» деталь: такое стало возможным лишь потому, что фермы электрифицированы. Кроме телевизора и прочих бытовых удобств, для чабана это свет и тепло в кошаре, а значит, и массовый, прежде не имевший места зимний окот — по 135 здоровеньких ягнят от каждой сотни овцематок.

А как выращивать этот многочисленный молодняк, не говоря уж о содержании взрослых овец? Казалось бы, сугубо сельскохозяйственный вопрос. Но он неразрешим здесь без индустриальной постановки дела. На чем, скажем, доставлять корм к фермам?.. Поэтому-то и потянулись из Павлодара во все концы степи мощные тракторы марки «Казахстан».

Один из них и провел-то наш «газик» на ферму по всхолмленной сугробами степи.

— Топтай, Гоша, дорогу! — возбужденно кричали казахи-проводники трактористу Георгию Лаптеву.— Топтай сюда, Гоша! Доедем!..

Могучий и щедрый «павлодарский характер» приметен и в тихую погоду. Выедешь на окраину города, вроде бы в самую степь, а вдалеке еще один город виднеется — корпуса Павлодарского тракторного завода!

Отсюда и «топтают дорогу» степные богатыри во все концы Казахстана и соседние с ним области и края. Только в декабре 1971 года с конвейера сошел 25-тысячный трактор. В недалеком будущем место Павлодара — в одном ряду тракторных городов: Волгограда, Харькова, Челябинска, Минска...

Этот завод-гигант — детище всей страны. Его «растят» по проекту харьковчан. Около тридцати заводов изготовляли для него технологическую оснастку, мастера пятидесяти национальностей производят сам трактор.

Для многих сотен казахов-степняков Павлодарский тракторный стал университетом новой жизни, их гордой рабочей судьбой. Один из них, Се́мен (не Семён, а Се́мен!) Абилев, даже чуть было навсегда не рассорился с родителями из-за этого... После совхозной десятилетки снарядили его в город учиться, благо парень не хуже городских абитуриентов сдал экзамены в Павлодарский индустриальный институт. Наилучший сушеный сыр, отборная конская колбаса — «казы» — были уложены в полосатые хурджины, слезами надежды мать окропила начало его пути, а отец уже видел сына самым главным инженером в родном совхозе. Но из Павлодара вдруг пришло письмо: женился, поступил работать на завод!..

Сколько ни писал потом Семен домой, из совхоза ни звука. Обиделись. Два года молчали. Пока из газет не узнали, что токарь Семен Каиржанович Абилев еще и депутат Павлодарского горсовета, член исполкома и в приемные дни люди идут к нему за советом и помощью. А недавно Семен побывал вместе с женой — тоже работницей завода! — у родителей и начисто устранил их застарелую тревогу.

— Учусь на вечернем отделении,— доложил он.

— К ученым профессорам пошел! — обрадовался отец.— С почтенными аксакалами будешь!

— Теперь много профессоров, отец, и без белых бород,— улыбнулся Семен.— Обращаться со станками-полуавтоматами, токарить и фрезеровать меня учили Павел Григорьевич Дмитриев, Анатолий-ага Чуйков, Николай-ага Смолянин...

Немало таких учеников, как Семен, на счету у ветерана завода Василия Ивановича Литвиненко — «русского украинца из Азербайджана», как сказал он о себе. К этому можно добавить, что Василий Иванович также и белорус (воевал под Витебском) и в немалой мере прибалтиец (был ранен под Кенигсбергом).

— Теперь из приднепровского казака «перевернулся» в прииртышского казаха,— смеется он по-запорожски весело.— А главное, хлопцы, это чтобы с конвейера шли наши тракторы отличного качества!.. Пока государство наше первый пушок сбривало с верхней губы, еще можно было всякие недоделки молодостью оправдывать. Теперь же, только на высший класс качества имеем право. Так говорю?

И мы сразу почувствовали, что беседуем с вожаком рабочих: в каждом высказывании Литвиненко, члена цехового партбюро, как бы звенел металл его ордена Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», а теперь и ордена Октябрьской Революции — награды за восьмую пятилетку. Инвалидом второй группы приехал он, рабочий человек высокой квалификации, в солнечный Азербайджан, работал в совхозе, а когда начали осваивать целинные земли, не усидел дома: позвала казака степь павлодарская — ястребиная!..

Многие рабочие завода — бывшие воины и к разным трудностям привычны. Но никто так, как они, не умеет ценить малейшую «заботу о солдате». И если учесть, что земледелец или животновод в здешней степи — это почти солдат на поле сражения, то станет понятным восторг тракториста-испытателя Владимира Чугунова, когда он узнал об отзыве о новой модели кабины трактора «Казахстан».

— Автомобильного типа! — выкрикнул он.— Герметизация, обогрев, мягкое сиденье, даже глушитель... Пора «дворники» на лобовое стекло ставить! Может, и антиобледенительное устройство, как на самолете, а?..

Он-то знает, что после него в кабину трактора садится тот самый степной труженик, которому сквозь вихри снега и шрапнельной пыли кричат проводники-чабаны и хлеборобы: «Топтай, Гоша, дорогу!»

СОЛЬ, ВОДА, ВЕТЕР!..

И «Гоши» — а их сейчас многие тысячи на этих просторах! — добросовестно «топтают», да так, что гулом полнится земля, люди задались целью разбудить, вызвать к жизни все сокровища недр.

Где-то там, за кварталами домов, скрылся тракторный завод, а впереди, над пустынной полосой степного моря, уже поднимаются трубы и палубные надстройки эскадры гигантских кораблей, исторгающих в синее небо сказочно белые облака... Это Павлодарский алюминиевый завод.

Нет и десяти лет ему, а он уже награжден орденом Трудового Красного Знамени, потому что нарастающим потоком и притом по самой экономичной технологической схеме пошли в дело долго лежавшие под спудом казахстанские бокситы и известняк. Ныне Павлодарский алюминиевый завод поставляет значительную часть всего производимого в стране глинозема!

— С вводом в действие второй производственной линии,— сказал секретарь парткома завода Е. И. Булыгин,— павлодарцы превзойдут по объему продукции все родственные предприятия.

Но вот остался позади и этот завод, распахнулась степной далью другая окраина, однако и ее горизонт отнюдь не пуст: почти полтораста гектаров отведено под корпуса строящегося здесь химического комбината... Еще бросок — и снова панорама строительства. К концу девятой пятилетки здесь, на пути будущего нефтепровода Омск — Павлодар — Чимкент, встанет мощный нефтеперерабатывающий завод.

Линии высоковольтных передач буквально оплели степную ширь. Любая из этих линий — путь к сердцу степи ястребиной, к ГРЭС, вставшей на некогда «диком бреге» Иртыша в городе Ермаке.

Исполинское это сердце — 1 миллион 200 тысяч киловатт в четырех действующих ныне энергоблоках ГРЭС — до полной неузнаваемости преобразило сами изначальные хозяйственные опоры этого края. Да, все здесь начиналось с соли, но белые и «соленые» кристаллы ее, потащив за собой из недр череду новых ископаемых, стали теперь и жидкостью и газом, рядятся во все цвета радуги, удивляют диковинными запахами и вкусом.

— К концу девятой пятилетки введем в строй еще четыре блока,— сказал главный инженер этой электростанции А. Г. Кравец.— Мощность возрастет до 2 миллионов 400 тысяч киловатт!..

ЭКИБАСТУЗ

Из Ермака электроэнергия устремляется во все стороны степи — в Павлодар, Целиноград, Караганду, Семипалатинск. В самом Ермаке расположился потребитель, никогда не страдающий отсутствием аппетита,— это завод ферросплавов.

— Поближе к столовой! — армейской шуткой встретил нас старший плавильщик Василий Иванович Кадков, почетный металлург, член бюро Ермаковского горкома партии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени.— «Едим» по потребности, но и трудиться стараемся как следует. А работа у нас, можно сказать, ответственная, без нашей продукции ни один металл не может стать настоящим металлом... К концу девятой пятилетки вступит в строй еще десяток электроплавильных печей, так что, энергетики, держитесь!.. Но зато и объем нашей продукции увеличится втрое.

Недалеко от Ермака начинается почти 500-километровая трасса канала Иртыш — Караганда с 22 насосными станциями для подъема воды на полукилометровую высоту. Это тоже солидный «едок». Вот головная насосная станция, берущая воду из реки Белой и поднимающая ее на первые шестнадцать метров. Здесь четыре агрегата, транспортирующие воду вверх по девятнадцать кубометров в секунду. У каждого такого агрегата «пайковая норма» — 5 тысяч киловатт, вот и считайте...

Откуда же брать для всего этого электроэнергию? Ее дает сжигаемый в топках котлов Ермаковской ГРЭС уголь из Экибастуза. Но на каждый котел его надо в сутки по 5 тысяч тонн, значит, лишь эта электростанция к концу пятилетки будет потреблять в сутки по 40 тысяч тонн! Хватит ли угля в Экибастузе, откуда, кстати, его везут не только в Ермак и другие районы Казахстана, но также на Урал, в Сибирь? На экибастузском угле уже сейчас работает 14 крупных тепловых электростанций общей мощностью 6 миллионов 200 тысяч киловатт — это же десять Днепрогэсов, и даже Братская ГЭС «слабее» их на 1 миллион 700 тысяч киловатт.

В ответ на этот вопрос-опасение секретарь Павлодарского обкома партии Григорий Алексеевич Бариков улыбнулся.

— Одна личная просьба,— сказал он.— Обязательно побывайте в Экибастузе! Кстати, в переводе с казахского это значит «две головы соли»: тамошнее соленое озеро по форме двухголовое, с двумя характерными заливчиками...

По дороге, естественно, думалось о белой соли. Но тем поразительнее было впечатление от гигантского черного днища открытого угольного разреза с пятнадцатиметровыми уступами и железнодорожными колеями посредине. Особенно когда стало известно, что это еще далеко не днище, а лишь верхний слой пласта толщиной от 90 до 160 метров. Да, метров, а не сантиметров, которыми измеряется мощность угольных пластов в Донбассе или Кузбассе. На площади 165 квадратных километров здесь залегает 12 миллиардов тонн угля. Уникальнейшее месторождение!

— Как видится Экибастузское угольное месторождение сегодня? — начал свой рассказ Герой Социалистического Труда Георгий Степанович Гридин, возглавляющий комбинат «Экибастузуголь».— Представьте яйцо, сваренное вкрутую и срезанное пополам по длинной оси. Так вот, в нижней половинке желток — это земля, пустая порода, которую мы вычерпываем и свозим в отвалы, а белок —

это уголь. В натуре длина этой половинки яйца по срезу — восемнадцать километров, ширина — до десяти. От поверхности земли до угля — десять метров, а крайняя нижняя точка угольного пласта — на отметке семьсот метров. Вот какой поистине богатырской мощности этот пласт! Один из наших разрезов так и называется: «Богатырь». Это почти семикилометровый фронт уступов, где работают роторные экскаваторы производительностью тысяча тонн угля в час, «тысячники», а в недалеком будущем им на помощь придут «трехтысячники», изготовленные в Германской Демократической Республике, и даже «пятитысячники» с Украины...

На разрезах комбината «Экибастузуголь» достигнут рекордный прирост добычи — 22 процента в год! За пятилетку общий объем ее увеличится в 2,2 раза и составит в 1975 году 46,2 миллиона тонн — почти четверть всесоюзной добычи угля открытым способом! Такие темпы при столь солидных объемах беспримерны.

Чтобы к 1975 году довести мощности разрезов «Экибастузугля» до 56 миллионов тонн, предусмотренных Директивами XXIV съезда КПСС, на вскрышных и отвальных работах обычные экскаваторы заменяются новыми, с ковшами двенадцать с половиной и шестнадцать кубометров.

На нового, более могущественного «коня» собирается вскоре сесть и бывший степняк из совхоза «Заря», а ныне заслуженный шахтер республики, Герой Социалистического Труда Сабит Кадыров. Летом прошлого года он ездил в Москву на празднование Дня шахтера, был на приеме у министра угольной промышленности Союза ССР Б. Ф. Братченко.

— Когда Борис Федорович спросил, в чем нуждаемся,— вспоминает Сабит-ага,— я сказал: «Запчасти!» Для наших «коней» с Ермаковской ГРЭС «сено» идет по кабелю без перебоев, значит, и мы должны им аккуратно уголь давать! А на старом экскаваторе без запчастей какая работа? Обещал Борис Федорович, и вот совсем нового «коня» прислали! От всего сердца рахмет — спасибо!

Сабит Кадыров трудится на отвале, готовит фронт работ для таких мастеров-добытчиков, как Гарри Иванович Мозер с его бригадой, вернее сказать, «интербригадой», потому что бригадир, секретарь цеховой парторганизации — немец, Николай Лисов и Анатолий Кретинин — русские, Халит Досмагамбетов и Манат Сыздыков — казахи, Борис Гудыменко — украинец. Так вот, эта бригада в минувшем году добыла 2 миллиона 930 тысяч тонн угля, а в нынешнем обязалась дать 3 миллиона 100 тысяч!

Захватывающее это зрелище — работа экскаватора-«тысячника» в пятнадцатиметровом угольном уступе! Сама машина с мостиками, трапами, стрелами-реями, кабинами-каютами для управления и отдыха — эдакий речной корабль, и на нем не обычные плицы, а хищно загнутые ковши-клыки, каждый емкостью 470 литров. Ротор легко превращает черную каменную стену в черный поток, низвергающийся водопадом в вагоны-думпкары. Не пройдет и трех часов, как углем будет загружен железнодорожный эшелон в полсотни вагонов.

Естественна мысль: а что, если этот уголь не возить куда-то, а сжигать на месте и посылать отсюда электроэнергию? Да, так оно и планируется. Первый секретарь Экибастузского горкома партии Анатолий Федорович Половников сказал:

— Вблизи города вырастет энергетический комплекс из четырех ГРЭС общей мощностью 16 миллионов киловатт. Чувствуете размах? Одну из этих электростанций начнем строить в текущем году. В общем, сегодня мы в основном угольщики, а завтра будем столь же крупными энергетиками. Пожалуй, во всем мире не найти места, где бы на таком, как у нас, «пятачке» размещалась подобная силища!

...Ястреб — это сам Иртыш с могущественно распахнутыми по обе его стороны степями-крыльями. Левое — вдоль железной дороги в сторону Экибастуза, правое — по соленым озерам Таволжан — Маралды и чабанским фермам Лебяжьего... Гулко бьется его сердце в Ермаке, зорким зрачком темнеет кружок с крупной надписью «Павлодар».

АВТОГРАФЫ ПОБЕДЫ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Фото Е. ХАЛДЕЯ

Евгений Халдей, военный фотокорреспондент, сделал этот снимок в Берлине, в рейхстаге, в мае 1945 года. Стихийно возникла и утвердилась тогда славная традиция — участники штурма Берлина ставили свои подписи на стенах поверженного рейхстага,— и это был как бы приговор фашизму, вынесенный каждым советским воином.

В настоящее время рейхстаг тщательно отремонтирован, так, чтобы ни одной фамилии победителя не осталось на его камнях. Но история не поддается пескоструйным аппаратам и ремонту. Сохранившиеся фотографии помогли теперь, более чем через четверть века, произвести нечто вроде переклички победителей. Откликнулись одни участники победной битвы, других нашли неугомонные пионеры. Многие судьбы людей, изображенных на этой фотографии, ныне можно дополнить рассказом о славных делах, об их сегодняшней жизни. Вот в левом верхнем углу подпись Брызгалова. Он теперь заведует бюро добрых услуг в одном из районов Волгограда; автор подписи «Одесса Венско» — полковник, преподаватель в военном училище; В. З. Шептун — педагог, учитель истории. Я подготовил к печати книгу-альбом «Автографы победы» и предлагаю вниманию читателей некоторые комментарии к историческим фотографиям.

За бокалом после... подписания. Слева направо: Н. П. Филимонов, Б. М. Миртагиев, Никитин и Ф. И. Кузьмин.

РОВЕСНИК ВЕКА

Научному сотруднику Сибирского филиала Академии наук, участнику Великой Отечественной войны Олегу Малову товарищи показали газету с фотографией стен рейхстага и поинтересовались: не ваша ли это подпись?

Ученый долго рассматривал сквозь толстые стекла очков исторический снимок.

— Понимаю ваше желание иметь своего участника штурма Берлина. Но, увы, мой путь по войне завершился в других краях. А это подпись отца, Ивана Федоровича,— почерк его я ни с чьим не спутаю.

Сейчас, наверное, непросто представить себе, что и отец и сын находились на фронтах, и может показаться, что отец уже тогда был совсем-совсем старым — как только таких дедов брали в армию!

На самом деле Иван Федорович Малов в те времена вовсе не был старцем. Он ровесник века и, значит, в Берлин пришел сорокапятилетним. Но такой человек обязательно имеет интересную биографию. Это не просто, это почти звание — ровесник двадцатого века!

Иван Федорович Малов оказался участником гражданской войны, боевое крещение получил он на польском фронте.

Вернувшись с первой своей войны, Иван Малов приобрел кропотливую и романтическую профессию геодезиста. Малов прокладывал трассу канала Москва — Волга и внес свой вклад в изменение географии нашей страны.

Как реки впадают в море, так и профессия Ивана Федоровича потянула его к морским берегам. Непростое дело — выбрать место для порта, необходимо исследование берегов — этим занимался Малов в предвоенные годы. Он любил путешествия, боготворил природу: не просто любовался ею, но словно бы вел с ней постоянный упрямый спор.

На войну его сразу не взяли. Он стал метростроевцем. Это не было изменением профессии; геодезисты — это разведчики земли, на стройке метро они называются маркшейдерами, и от них зависит точность прокладки трассы. Какая работа ответственней?

На Московском метро маркшейдеры работают с ювелирной точностью: знаменитые сбойки — соединения туннелей в глубине — всегда превращались в праздник благодаря их мастерству. Я это помню по первой очереди. Иван Малов стал маркшейдером в нелегкую пору: молодые парни ушли на фронт, под землей работали женщины и люди в возрасте. Малов прокладывал трассу, переучивался, что называется, на ходу.

Но вот так случилось, что подземного гвардейца призвали в армию. Говорю случилось, потому что в 1944 году это уже был редкий случай. Геодезист, да еще и метростроевец, конечно, был «забронирован», таких по всем указаниям и приказам военкоматам вызывать не полагалось. Да и возраст ровесника века считался тогда уже не очень подходящим.

Сейчас я уже не имел возможности уточнить, как Иван Малов оказался на фронте. Есть у меня подозрение, что он сам предпринял кое-какие шаги и меры.

В штурмовой инженерно-саперной бригаде на Висле появился новый рядовой. Командиры сразу почувствовали, что имеют дело с опытным мастером, и определили его в разведку.

Оказалось, что геодезист и на фронте прокладывает путь. Только не под землей, а через минные поля, через реки и баррикады...

Расписавшись на стене рейхстага, вернулся домой старый солдат Иван Малов. Вернулся и сын, тоже рядовой, Олег, обогнав отца в наградах и по числу ранений. Орден Красного Знамени, только Трудового, Иван Федорович получил позже — за строительство портов на Дальнем Востоке. Пришлось ему после Берлина побывать еще не раз за границей — и тоже по строительным делам, учить новых специалистов, оказывать помощь молодым странам. Недавно Иван Федорович умер по-солдатски: вышел из дому, подставил лицо осеннему ветру — и сердце разорвалось. А на земле остались его автографы — проложенные трассы канала имени Москвы и метрополитена, порты в Находке и Ванине да еще на Северном и Черном морях, ну, и надпись на рейхстаге.

БАКУ ПРОЖИВАЕМ...

«Баку проживаем три участника штурма рейхстага тчк. Часть стены рейхстага автографами Филимонова Миртагиева Кузьмина находится Центральном музее Революции Москвы тчк»

Вот какая телеграмма ворвалась однажды утром в мой дом.

Надо ли говорить, что эта весть взбудоражила меня, разволновала. И не столько потому, что открылась возможность заполнить новую страницу в подготавливаемой мною книге, сколько по самому содержанию двух телеграфных фраз, от которых горячо пахнуло историей...

Я отправился на улицу Горького, в Музей Революции. На застекленной витрине в зале Великой Отечественной войны лежит небольшая, очень аккуратно вырезанная плита, и на ней красной краской написаны те самые три фамилии, что и в полученной мной телеграмме.

Плита — одна из спасенных западноберлинскими антифашистами при ремонте рейхстага — передана Музею Революции Центральным музеем Вооруженных Сил. Остальные спасенные камни экспонируются там, в зале боевой славы, в зале Победы.

В связи с 50-летием Великой Октябрьской революции прогрессивные организации Японии решили устроить выставку, посвященную нашей стране.

В городах Токио, Осака, Карияма и Кофу выставка, посвященная 50-летию нашей страны, разворачивалась каждый раз на верхнем этаже самого большого универмага.

Длинные вереницы японцев проходили мимо экспонатов и фотографий, рассказывающих и свидетельствующих о нашем пути и о нашей жизни.

Возле облицовочной плиты рейхстага накапливались толпы посетителей. Так вот странно и символически через много лет завершила свое бесславное существование «ось Берлин — Токио»! На серой штукатурке, крепкой, как мрамор, явственно проступали три фамилии:

Филимов Н. П.
Миртагиев Б. М.
Кузьмин Ф. И.,

обведенные красной краской. Чуть бледнее, но тоже так, что можно разобрать, виднелись фамилии:

Добров
Стецюра
Чернат.

Выставка пользовалась в Японии огромным успехом. Ее посетило более шестидесяти тысяч человек. Нет, не в назидание возили в Токио и Осаку облицовочную плиту, взятую из вестибюля рейхстага; просто разгром фашистской Германии и штурм цитадели гитлеризма являются одной из глав истории нашего государства, а выставка, подготовленная Музеем Революции, имела целью рассказать о пройденном нами нелегком пути.

Осенью 1967 года выставка закрылась, и знаменитая плита, вновь упакованная, приплыла к советским берегам, пересекла вдоль всю страну и встала на свое место на стенде в центре Москвы.

Работники музея рассказали мне о следующем чрезвычайном происшествии, имевшем место в октябре 1970 года.

Экскурсовод, окруженный подростками и пионерами, рассказывал об истории плиты, части облицовки рейхстага:

— Видите имена советских воинов: Филимов, Миртагиев, Кузьмин...

И вдруг какой-то немолодой, по-восточному чернобровый человек, стоявший чуть в сторонке, закричал:

— Не Филимов, Филимонов. Это я писал на стене. За себя и за товарищей! И вот в поспешности пропустил один слог в фамилии своего друга Николая Филимонова. И исказил фамилию. Извините!

Неизвестный посетитель назвал и свое имя, оказавшееся несколько непривычным для русского слуха,— Миртагиев Бахрам Мириш Оглы. И на плите эта фамилия — точно!

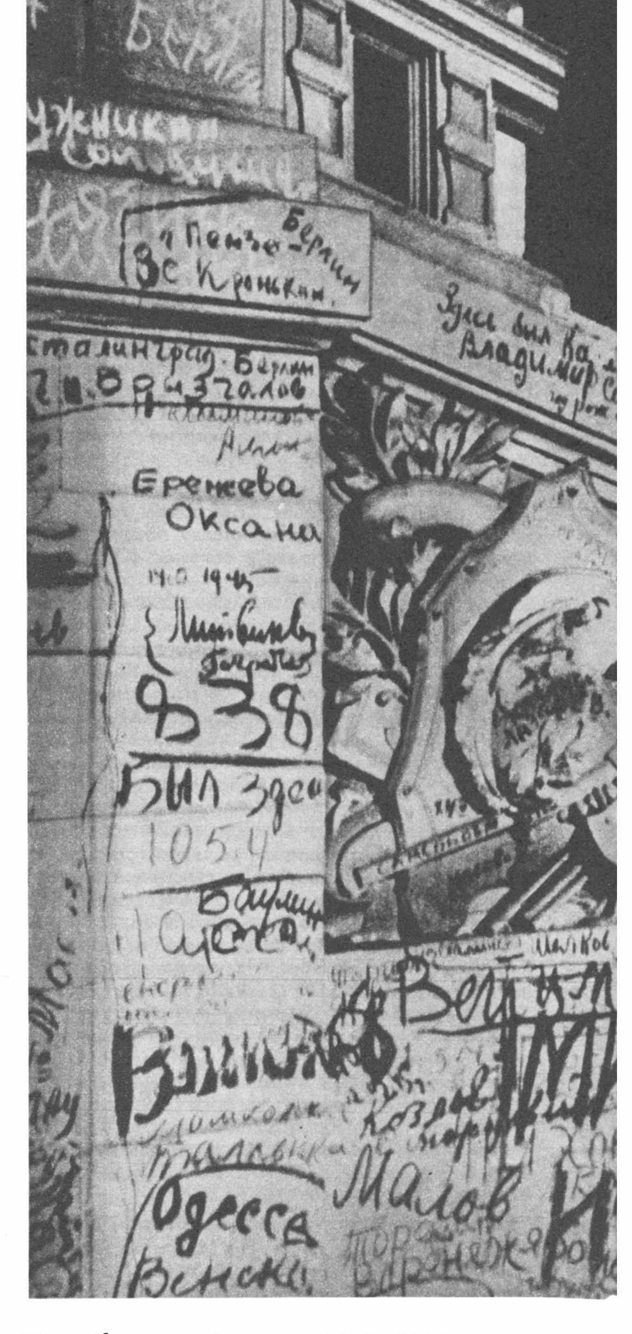
Забегая вперед, скажу, что тогдашние экскурсанты — учащиеся 10 «а» и «б» классов средней школы № 40 Ворошиловграда и пионеры 6 «а» класса московской средней школы № 384 с того интересного дня находятся в дружбе и переписке с Бахрамом Мириш Оглы, с Федором Ивановичем Кузьминым и Николаем Павловичем Филимоновым. (А Миртагиеву они со свойственной школьникам любовью к прозвищам присвоили имя «оживший камень»...)

Все трое — бакинцы. Миртагиев ушел на фронт со второго курса института, Филимонов и Кузьмин — из пожарной охраны. В первый день Великой Отечественной в военкомате они перезнакомились, и получилось так, что уже до самого рейхстага не расставались.

Миртагиев был командирован на Выставку достижений народного хозяйства в Москву Министерством сельского хозяйства Азербайджана, где он работает старшим госветинспектором. Он запланировал для себя еще и посещение Музея Революции. И вот там увидел эту самую плиту рейхстага.

Мне было очень интересно узнать поближе трех этих бакинцев, что называется, попавших в историю.

Во-первых, хочется сказать всем, что они хорошо воевали. Начав в Крыму и в малярийных (тогда была еще в нашей стране малярия)

Вестибюль рейхстага. Май 1945 года.

плавнях у реки Кубани, они потом шли по Донбассу и отличились летом 1944 года в Ясско-Кишиневской операции.

В ночь на 21 августа 1944 года попали три друга в переделку: на их батарею навалилась несметная колонна противника, искавшая возможность вырваться из кольца. Орудия на конной тяге, поредевшие расчеты — противник в общем-то правильно выбрал направление для своего удара и выхода из окружения.

Силы были неравные, но и мужество тоже неравное. Советские артиллеристы одолели врага, превосходившего их числом и вооружением, не дали ему вырваться на своем участке. Три друга были одновременно награждены орденами Красной Звезды.

Потом удалось им же вместе отличиться на Сандомирском плацдарме. Стала дивизия, в рядах которой служили Миртагиев, Филимонов и Кузьмин, специализироваться по плацдармам: Сандомирском, на Висле, пришлось держать и небольшой плацдарм на левом берегу Одера.

Трое из Баку оказались тогда ближе всех других воинов 1-го Белорусского фронта к Берлину — всего, наверное, километрах в шестидесяти!

В ночь на 16 апреля 1945 года — кто из участников штурма немецкой столицы забудет эту располосованную прожекторами ночь? — с Большого Кюстринского плацдарма началось наступление, в котором принимали участие мои новые знакомые.

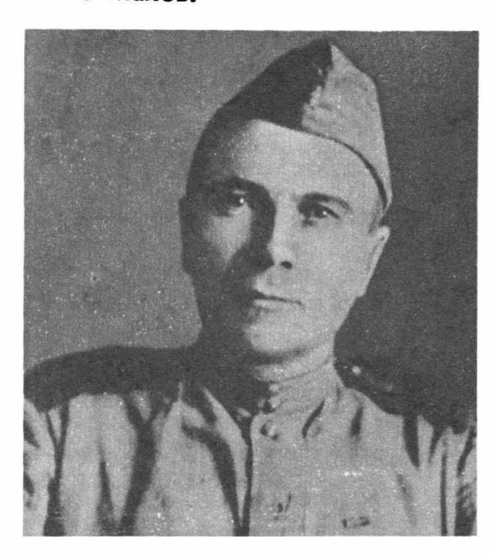
Они выдержали тяжелые бои и опять оказались на плацдарме, но уже на реке Шпрее.

Три друга катили свое орудие по улицам Берлина, добрались до самого центра и второго мая были в рейхстаге. Филимонов и Кузьмин подсадили Миртагиева, он встал на их плечи и

штыком выскреб все три фамилии. Качаясь на плечах товарищей, он и пропустил слог в фамилии Филимонова... А потом ему подали красную краску — неизвестно, где ее добыли,— и он еще промазал буквы так, что они резко выделялись среди карандашных и угольных автографов.

Эти воины в высоком звании рядовых, дослужившиеся до старшин, награждены не только Красными Звездами за участие в Яссо-Кишиневской операции, но еще и другими орденами и медалями. Пожалуй, из всех троих самый наиорденоносный Бахрам Мириш Оглы:

И. Ф. Малов.

он к трем боевым орденам прибавил еще «Знак Почета» — за ветеринарные свои работы уже в недавние времена.

Хорошей боевой жизнью зажили три бакинца, вернувшиеся с войны. Работали, учились... Бахрам Мириш Оглы тридцатилетним поступил на ветеринарный факультет сельхозинститута, закончил его тридцатипятилетним.

Николай Павлович вернулся на довоенное место работы — в институт нефти и химии имени Азизбекова. Только он теперь не рядовой пожарник, а начальник охраны. Федор Иванович служил после войны тоже по этой специальности, а потом переквалифицировался и вот уже 18 лет работает слесарем-регулировщиком на обувной фабрике.

Дружба их, прошедшая путь от Кубани до рейхстага, продолжается. Много у каждого дел и забот, но друг для друга всегда у них находится время.

А плита с их именами, проделавшая путь Берлин — Москва — Токио — Москва, по-прежнему привлекает внимание экскурсантов и посетителей Музея Революции.

МРАЧНАЯ ФАМИЛИЯ

Странная надпись была у парадного входа. Она сохранилась на фотографии и напомнила о том недоумении, которое тогда, в мае 1945 года, вызвала у меня и моих товарищей. На ровном камне было написано «МОГИЛА». Несколько ниже и правей — «Марко». Еще ниже начертано было —«Николаев». «Николаев» — это могло быть фамилией. «Марко», подумалось мне, наверное, имя этого самого Николаева. А «Могила» — это характеристика рейхстага, что ли? Уж очень лаконично! Но после опубликования фотографии в газете «Правда» через 20 лет пришло письмо, разъяснившее и объяснившее все. Оказалось, что «Могила» — фамилия, «Марко» — имя, а точнее партизанская кличка, а «Николаев» — место, которое боец счел нужным указать как свою родину.

Мне захотелось найти Марко Могилу, и я написал в Николаев, но выяснилось, что в Николаеве этот человек работал давным-давно, до войны, был корабелом, а теперь работает за рулем такси в городе Ивано-Франковске.

Из Ивано-Франковского таксопарка я получил документ, какого сроду не получал. Маяковский говорил: «...я себя советским чувствую заводом, вырабатывающим счастье». Я почувствовал себя если не заводом, то, во всяком случае, учреждением, когда дочитал до конца. Судите сами:

«ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на водителя Ивано-Франковского автопредприятия Могилу Марка Васильевича

Рождения 1909 г., украинца, члена КПСС, образование н/среднее. В автопредприятии работает водителем с 1960 г. по н/время.

Проявил себя дисциплинированным, трудолюбивым и знающим свое дело. Государственный план выполняет систематически. Пятилетку выполнил досрочно. Культурно обслуживает пассажиров. На него за время работы не поступило ни единой жалобы на плохое обслуживание.

В общественной и партийной работе участвует. Избран председателем комиссии контроля деятельности администрации, имеет ряд поощрений, ему присвоено звание ударника коммунистического труда. Морально, идеологически выдержан.

Характеристика выдана для предоставления поэту Долматовскому».

Директор... секретарь... печать...

Кажется, приняли меня за учреждение, право слово! При всей курьезности предоставления поэту производственной характеристики на возможного героя будущего произведения я, во-первых, порадовался тому, что фронтовик, расписавшийся на рейхстаге, так высоко оценен у себя на работе, а во-вторых, тому, что моему поиску придается серьезное значение: даже печать поставлена!

Наконец я добрался до самого «Марко». Интересная биография, солдатская судьба. В 1941 году Макар Могила (или Мугила, как у него в метрике), милиционер, охранял Дарницкий мост на Днепре, вылавливал немецких парашютистов. Тяжелые это были времена. При отступлении был Макар Васильевич ранен в голову. Как многих бедолаг, оказавшихся ранеными и обессилевшими на оккупированной территории, его спрятали колхозники, выхаживали, а потом переправили к партизанам.

Стал Макар партизанским разведчиком Марко; отряд, в котором он оказался, действовал на Черниговщине, а потом в конце 1943 года партизаны соединились с наступающими частями Красной Армии, влились в их ряды.

Еще два раза Марко был ранен в боях, возвращался вновь в строй, дошел до самого Берлина. Для точности: не дошел, а доехал. После очередного госпиталя и выздоровления партизанский разведчик, переквалифицировавшийся в армейского минометчика, вспомнил наконец свою юношескую профессию и сел «за баранку».

Как только затих бой, он лихо подвез своих дружков-однополчан к рейхстагу, и стали они расписываться. Было это как раз в день рождения Марка Васильевича — 3 мая. Разведчик, боевой друг Володя Румянцев, расписался у верхнего края камня. А роспись Могилы вызвала у товарищей целый спор. Поймут ли, что это фамилия? Вот так и получилась вся эта надпись. По поводу своей росписи М. Могила так высказался на страницах газеты:

«Товарищи в шутку говорят: с одной стороны, у тебя, Марко Васильевич, фамилия слишком мрачная, а с другой — символическая. Она прямо, без особой дипломатии, напоминает, что ждет любых западногерманских реваншистов».

ВЫСОКИЙ КЛАСС

Ольга МИРОШНИЧЕНКО

Завод хорошо виден с высокого моста через неширокую реку. Он уютно разместился на узкой полоске суши между водой и крутым берегом, к склону которого прилепились аккуратные деревянные домики. В окружении еще прозрачных садов домики эти с алыми геранями на окнах напомнили о жизни, устоявшейся десятилетиями, о времени давнишнем, когда отмерялось оно лишь пением петухов, так хорошо слышимым и сейчас в кабинете директора завода Тиверия Михайловича Захаренко. Но здесь, в этом кабинете, уже давным-давно время отмеряется иной мерой.

Сравнительно недавно небольшой заводик в Орше делал простейшие станки и машины для торфоразработок. Сегодня это предприятие известно не только в нашей стране, но и в десятках стран мира. Здесь создают станки высокой и особо высокой точности. Обычно такие станки рождались при весьма примитивной механизации: тут не до нее, что ни узел — то загадка, золотых рук требующая. Вокруг остова станка собиралась бригада рабочих разных специальностей, зачастую разной квалификации, и постепенно, день за днем, остов обрастал узлами и деталями. На сборке подгоняли их вручную, определенной очередности операций при таком методе добиться очень трудно.

Метод поточный прогрессивный применялся и применяется до сих пор лишь при сборке станков так называемой нормальной точности. Это закон, утвердившийся годами и годами практики. И никто не смел нарушить его. А в Орше посмели. И эта смелость была по достоинству оценена.

За создание и освоение на оршанском станкостроительном заводе «Красный борец» показательного комплексно-механизированного производства станков высокой и особо высокой точности, уникального по масштабам выпуска, технологии, организации производства и труда, группе специалистов присуждена Государственная премии СССР 1971 года. Такова оценка огромных усилий, творческой смелости. В Орше были созданы станки, принципиально новые по всем характеристикам. Победа была одержана в трудных условиях: реконструкция завода и освоение новой техники происходили без ущерба плану, он выполнялся неукоснительно.

...На трех конвейерах, на потоке идет сборка станков, к точности работы которых применить широко распространенное понятие «ювелирная» можно лишь приблизительно. Отклонения, которые допускают они при шлифовании поверхностей, в двадцать раз меньше толщины человеческого волоса.

Завод при первом же знакомстве поражает своей непохожестью на то, что обычно ассоциируется с механическими, литейными цехами. Нет тут гор стружки, свалок поржавевших чушек на задворках и каких-то огромных деревянных ящиков, непонятно как попавших в глухие уголки заводского двора. Да и задворков нет. Первое, что бросается в глаза,— большое здание с застекленным фасадом: водный бассейн «Юность», гулкий, светлый, чистый, с голубой водой, словом, такой, каким и положено быть хорошему бассейну. И еще один штрих. На дворе не встретишь бесцельно разгуливающих людей. Всех, с кем мне хотелось поговорить, я застала на рабочем месте: у станка, в лаборатории, в кабинете, у чертежной доски.

Я беседовала и с руководителями и с рабочими. Мы говорили о прошлом, настоящем и будущем завода, о его успехах и новых задачах. И в беседах этих я почувствовала единое дыхание, которым живет коллектив, его озабоченность — справимся ли с дерзко задуманным огромным делом?

Я побывала в цехах с кондиционированным воздухом и кафельными, больничной чистоты, стенами. Кондиционированный воздух в цехе — это, конечно, прежде всего забота о людях. О людях и о станках. В термоконтактном помещении (так называют сборочный цех на «Красном борце») установки для кондиционирования — это и острая необходимость. Поведение детали будущего станка зависит от ничтожных колебаний температуры и влажности. Причем зависимость эта сугубо индивидуальна и очень тонка. Отклонения температуры в термоконтактном помещении допускаются в пределах $\pm 1°$. А колебания влажности? Независимо от того, идет ли на улице дождь или стоит жара, отклонения от нормы не должны тут превышать ± 5 процентов. Вот что такое культура производства станков особой высокой точности!

Новое высокоточное производство, и притом на потоке, потребовало строгой технологической дисциплины. А у рабочих не было опыта, привычки к такой дисциплине, необходимой квалификации. Посылали людей учиться на передовые предприятия страны. Сейчас рабочий, скажем, такого участка, как экспериментальный, решает во время сборки новых станков вопросы, которые под стать инженеру.

...Более четверти века трудится на заводе кавалер ордена Ленина, слесарь-сборщик Михаил Ильич Ларионов. Через его руки прошли все модели станков. Родился он неподалеку от Орши. Пятнадцатилетним пареньком пришел на «Красный борец». Здесь работал и учился, окончил ФЗО. И сейчас у Михаила Ильича аттестат об окончании школы мастеров. Это не только среднее образование. Аттестат дает право работать мастером или начальником участка. Но Ларионову нравится в экспериментальном. Здесь осваиваются все более сложные станки, и в процессе их сборки, наладки часто возникают новые конструкторские и технологические решения. А Михаил Ильич Ларионов любит неизведанное, поиск...

В 1971 году экспериментальный участок завода впервые в стране изготовил оригинальный, отвечающий самым высоким мировым стандартам, специальный профилешлифовальный станок с программным управлением ОШ-70ф. Чем он знаменит? По заданной программе может обрабатывать любую криволинейную поверхность.

«Новорожденным» очень гордятся на заводе. Директор Тиверий Михайлович Захаренко, человек сдержанный, избегающий громких слов, когда говорит об ОШ-70ф, не может скрыть восторженности.

— Поймите: качественно изменяется характер труда! Это не только последнее слово техники. Это — главное направление в повышении производительности труда. Снизится интенсивность работы, а она, например, на токарном станке очень велика. Станки с программным управлением гарантируют качество, заложенные в программу размеры, они стабильны для любой партии деталей, более выгодны, так как не требуют большой перестройки. Но тут возникают и новые сложные проблемы. Прежде всего необходимо заинтересовать их в новой технике. Нужно сделать так, чтобы сложные проблемы, вставшие сейчас перед заводом, стали бы личным делом каждого работающего на «Красном борце». Я не преуменьшаю трудности,—продолжал Захаренко,— внедрение новой техники — работа тяжелая. И технически и психологически. Чтобы заинтересовать людей, не отпугнуть их от новой техники, мне кажется, было бы правильным планировать экономические показатели для экспериментальных цехов отдельно, так, чтобы они не влияли на общие показатели завода. Производительность труда здесь, естественно, не может быть такой же, как по всему предприятию.

Тиверий Михайлович говорит спокойно, убежденно, не повышая голоса, точно формулируя свои мысли, направление «главного удара».

— Есть у нас задача всех задач — организовать научное управление производством. Это — веление жизни. С семьдесят третьего начнем внедрять АСУ — автоматизированную систему управления. Но ведь электронно-вычислительная машина требует, чтобы рядом стоял человек, умеющий умно пользоваться ею. Станок, изготавливаемый на нашем заводе, имеет около 700 оригинальных деталей. Мы должны знать, «на каком свете находимся», каждый день, а еще лучше каждый час. Но одной только электронно-вычислительной техники мало. Повторяю: нужны кадры управления. Я твердо убежден, что именно новая научная система организации управления потребует от человека полной отдачи его знаний, квалификации, потребует высшей добросовестности, если так можно выразиться. И к этому надо готовиться заранее, надо укреплять дисциплину труда, повышать ответственность каждого члена коллектива за порученное дело. Когда люди знают о том, что их работа ежедневно контролируется, отпадает необходимость в жестких мерах, создается нормальная деловая атмосфера...

Я ощутила эту атмосферу, присутствуя на удивительно «миролюбивой оперативке». Никто не пришел на нее с «наболевшими вопросами», не было тут взаимных упреков, обид. На заводе есть правило: большинство проблем может и должно быть решено вне стен директорского кабинета. А здесь, в директорском кабинете, происходит деловой обмен мнениями с учетом объективной, достоверной картины положения дел, научно зафиксированной. И это тоже высокий класс. Такой же высокий, как и класс выпускаемых заводом станков...

На развороте вкладки:

Здесь рождается новая техника. Экспериментальный участок создан на заводе для изготовления опытных образцов и первых промышленных серий новых станков.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Слесарь Владимир Федорович Сивцов работает в станочной лаборатории.

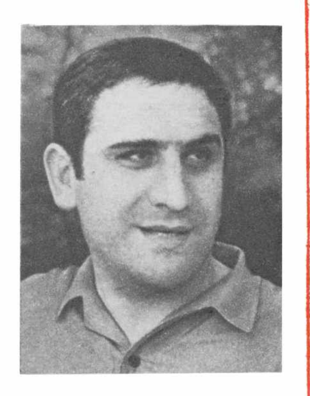
Перед отправкой в далекие края...

Вот такие детали со сложной поверхностью по заданной программе обрабатываются новым станком.

Слесарь-сборщик Михаил Ильич Ларионов.

ЛЮДИ ВСЕГДА С ТОБОЙ

Нариман ГАСАН-ЗАДЕ

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ ВЕЧЕРЕ

В годы войны в осажденном Ленинграде поэт Николай Тихонов выступил с чтением стихов Низами Гянджеви на вечере, посвященном юбилею великого азербайджанского поэта.

В далекий век Нева, оставив русло,
Рванулась в город, смолкший над рекой,
Туманной ночью Пушкин — гений русский
Писал об этом, потеряв покой...

А в сорок первом, да в ином столетьи,
В том городе у северных границ
Гремели пушки, и рыдали дети,
И от пожаров плавился гранит!

И потемнело над Невою небо,
И город захлестнуло море гнева,
Во мраке от зари и до зари
Штыки писали летопись земли.

Ложились комья колкие на плечи,
От жаркого дыханья таял снег...
А в полутемном зале целый вечер
Читал стихи суровый человек.

Шли танки по изрытому пригорку,
Казалось, у домов похищен свет.
А он читал, поправив гимнастерку,
В солдатских сапогах — седой поэт!

Вдруг отступали беды и печали.
Молчал наган на кожаном ремне,
Но строки громче гаубиц звучали,
Горели в напряженной тишине.

И по врагу слова, как пули, били —
Хотел их каждый всей душой понять.
Они совсем как полководцы были,
Могли в атаку дерзкую поднять!

Сквозь сумрак злой, нащупав россыпь
света,
Тот человек сжимал тетрадь в руке:
Стихи азербайджанского поэта
Читал во мгле на русском языке.

Пускай таилась смерть в любом снаряде!..
Здесь не было ни взрывов, ни зимы,
И Тихонов в ослепшем Ленинграде
К свободе звал словами Низами.

Струились строки дымною дорогой,
Черновики ходили по рукам.
И боль певца моей земли далекой
Была понятна русским паренькам.

За окнами вздыхали мостовые,
Но, словно солнце, восходил Талант...
А в облаках Гусейнбала Алиев,
Сжав зубы, на последний шел таран.

...А он читал, слегка на сцене горбясь.
Ты подвигом тот вечер назови!
Я и сегодня слышу гулкий голос —
Вновь Тихонов
читает
Низами!

Перевел с азербайджанского
А. ХАЛДЕЕВ.

ДНЕПРОВСКИЕ ПРОСПЕКТЫ

Веток зеленых живой навес —
Город порою похож на лес.
Росинка вдруг скатилась за ворот —
И лес порою похож на город.
Улицы-просеки
Вдаль бегут:
Проспекты свои —
И там и тут.

О диво!
Какие каштаны и липы!
Словно в универмаг проник
Ветер —
И шелка зеленого кипы
На улицу выволок озорник.
Выволок —
И в городских кварталах
Над мостовыми он разметал их.
Катится
Рулон за рулоном
По улицам,
По днепровским склонам.

А вверху —
Синева такая!
Переливаясь,
Течет, сверкая.
В этой зелени,
В этой сини
Можно и самому раствориться:
Нету тебя,
Но есть частица
Мира,
Что станет тобой отныне:
Лодкой рыбачьей плыви по Днепру,
Зеленью листьев шурши на ветру!

Станешь проспектом —
И пусть над тобой
Переливается шелк голубой,
Солнце — свое,
И луна — своя,
В небе плывущая, как ладья.
А главное —
Люди всегда с тобой:
Гул голосов,
Городской прибой.
Листья трепещут,
Струятся зыбко,
Автомобили берут разбег,
Негр —
Ослепительная улыбка,
Словно прожектор —
На весь проспект!
Все тут сплелось,
Слилось воедино:
Сколько столетий тому назад
Игорева прошла дружина
Здесь,
Где трамваи сейчас звенят?
Все слилось:
Соловьиный щелк,
Свист осколков над парком зеленым,
Наш 416-й полк,
Стекающий по днепровским склонам.

Как текучий мираж,
Как марево,
Письма любимых,
Река Кура
И вставшее вполнеба зарево
Над прахом погибших,
Живых вчера,
Сраженных пулей или снарядом:
Братское кладбище где-то рядом.
Вот оно,
Словно фата-моргана,
Медленно выплывает из тумана:
Красные звезды и обелиски...
Павших бесконечные списки
Смутно,
Сквозь дымку
Струятся,
Текут:
Сколько солдат похоронено тут!
Сквозь их покой,
Сквозь их сон молчаливый
Снова проспекты прорезались вдруг:
Город державный
Восстал вокруг —
Киев сияющий,
Киев счастливый!

ЦВЕТОК

«Все течет, все меняется».
Гераклит.

Живые лепестки его чисты,
Я вижу их немое колыханье,
Оно
Как легкое твое дыханье:
Вот-вот заговоришь со мною ты.

Тропинка рядышком проторена.
О мама,
На твою могилу даже,
Наверное, шагнула бы она,
Да голубой цветок стоит на
страже.

Я помню,
Что носила ты весной,
О мама,
Платье цвета голубого.
Я вижу,
Ты его надела снова,—
Надела,
Чтобы встретиться со мной.

БИБЛИОТЕКАРША

Немеют руки,
Устают сердца...
А ты мне говоришь,
что не устала.
Тебе я докучаю без
конца:
Ты выложишь сто книг,
а все мне мало.
Меж полок ты сновала
в тишине,
Снимала том,
на цыпочки вставая.
Мы завершили труд:
Вся слава — мне,
Тебе же —
Вся работа черновая.
Вся слава — мне...
Хоть, словно хлеб,
По праву
С тобой я должен разделить
И славу!

Перевел с азербайджанского
Вл. СЕМЕНОВ.

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

В ГОСТЯХ

Было совсем невероятным, чтобы мы в этот погожий апрельский день не могли долететь до станицы Вешенской. В Ростовском аэропорту нам сказали, что «погода есть, можно лететь», и вдруг через час лёта из пилотской кабины грохочущего, как консервная банка, старенького самолета легко выскользнула второй пилот Валя и чуть смущенно сказала:

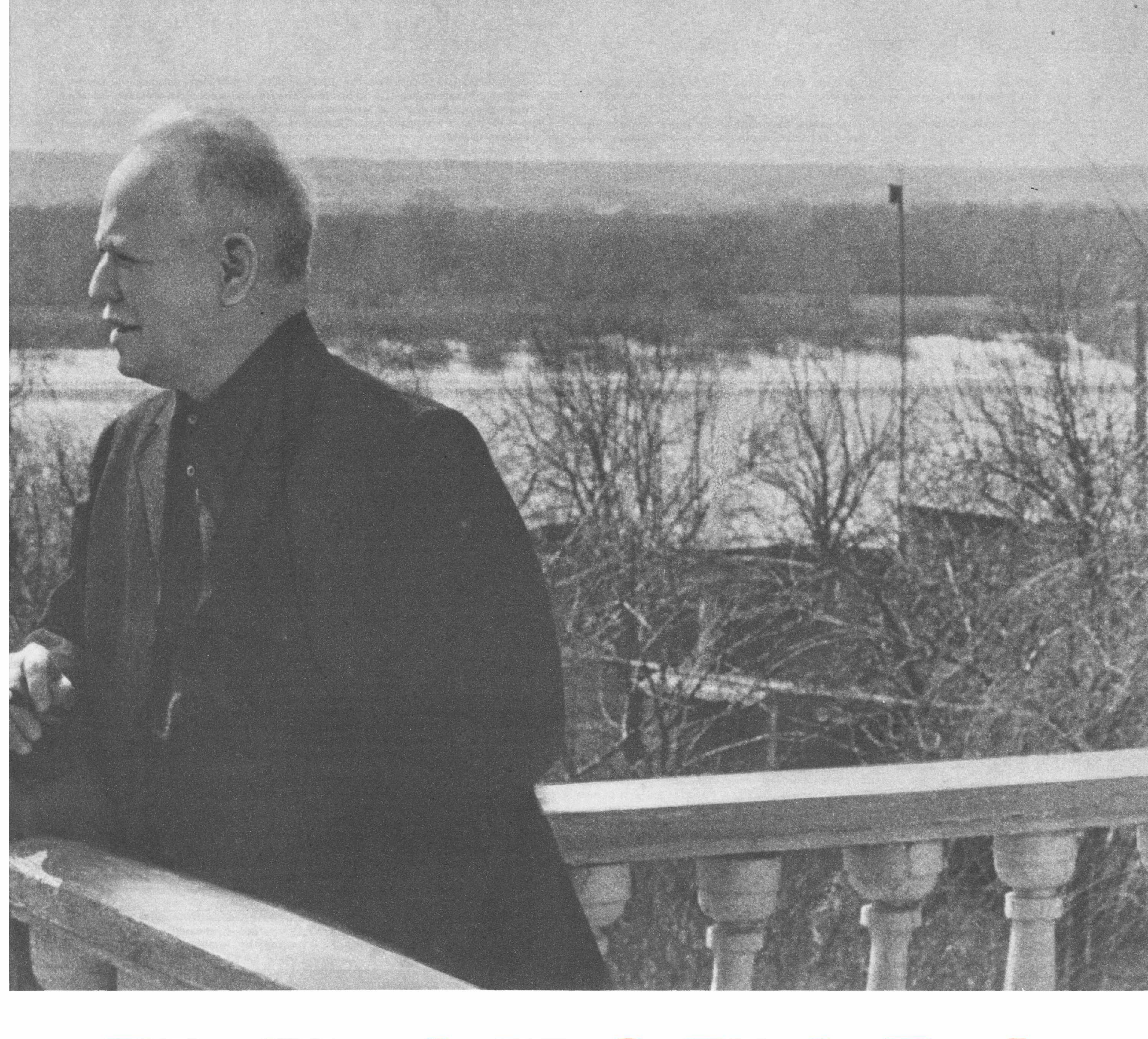
— Базки закрылись. Где будем садиться — в Боковской или Миллерове?

Поскольку Боковская расположена километрах в сорока от Вешенской, а Миллерово — в ста сорока, то, конечно, мы с Анатолием Калининым избрали Боковскую. Избрали и были наказаны. Минут через тридцать Валя еще более смущенно обратилась к нам:

— Боковская тоже закрылась, придется возвращаться в Миллерово.

Что было делать? Оставалось возвращаться в Миллерово, при всем том, что полет в данном случае не доставлял никакого удовольствия, да еще при полном понимании того, что Михаил Александрович ожидал нас к обеду.

На этот раз мы на себе испытали всю сокрушительную силу ветров, хозяйничающих над полями Ростовской области. Вскоре самолет пошел на посадку. Замелькали вперемежку черные и зеленые поля, и мы наконец полной грудью вдохнули наполненного свежим ветром донского воздуха. В Миллерове уже знали о том, что нам пришлось возвра-

У ШОЛОХОВА

щаться,— около места посадки нас ожидала машина. Да, на этот раз мы особенно ощутимо почувствовали преимущество автомобильного транспорта перед «полевой авиацией».

Было неизъяснимо легко и радостно смотреть на поля, на густо зеленеющую озимку. Видеть снова и снова родные места, те самые станицы и далекие хутора, к которым нерасторжимо привязано твое сердце. Череда воспоминаний возникла сама по себе. Невольно пришли на память слова одного старого казака, сказанные мне когда-то еще до войны на хуторе Андроповском: «Шолоховские места начинаются от Миллерова». Слова были сказаны до войны, но запомнились некоторой своей несообразностью: «шолоховские места» сейчас всюду, на всем земном шаре, ибо нет сейчас на земле народа, который бы не знал шолоховских произведений.

Течение времени, события истории все больше увеличивают не просто популярность шолоховских произведений, но и понимание миллионами разноязычных читателей потрясающей глубины, высокой правдивости и человечности шолоховских образов. Смешными и нелепыми являются попытки некоторых современных «ценителей» литературы принизить, заземлить то, что такому «заземлению» не поддается.

...Скоро вокруг асфальта замелькали хатки, только-только опушенные зеленой кисеей деревья. Справа вынырнул высокий профиль элеватора. Мы подъехали к реке. Дон катил свинцовые воды. Наплавной мост еще не был протянут. Мы вышли из машины. В ожидании парома на берегу столпилось несколько пожилых женщин в черных плюшевых шубейках. Откуда они, эти шубейки, которые нигде, как на Дону, вы не увидите? И ни в сельпо, ни в каких магазинах не найдете.

Значит, сохраняют, хранят из года в год, чтобы в праздники надеть и вот так, как сегодня, отправляясь в соседнюю станицу в гости, покрасоваться в них.

Расположившись в номерах новой гостиницы, где оказался обогнавший нас на машине секретарь Ростовского обкома партии Михаил Ефимович Тесля, мы отправились к Михаилу Александровичу.

Сколько раз я бывал в Вешенской, и в ту давнюю уже пору, когда у Дона еще стоял покрашенный в голубую краску деревянный дом Шолоховых, и уже в послевоенные, и в совсем недавние годы. Широкий, гостеприимный новый дом, в котором всегда бывало шумно от звонких голосов детей и внучат Шолохова, а то и от гостей, приезжающих к Михаилу Александровичу из Ленинграда, Москвы, Ростова, Грузии, с Кубани, из Финляндии, ГДР и многих других стран. Невольно в этих случаях возникала мысль: когда же писать Михаилу Александровичу? Но Шолохов с неизменным радушием встречал гостей, поглядывал на них своим улыбчивым взглядом, посмеивался и шутил по разным житейским поводам. Здесь когда-то он встречал и Юрия Гагарина, в память которого на станичной площади, на том самом месте, где выступал первый космонавт мира,— сейчас памятная плита.

Михаил Александрович встретил нас на пороге дома.

— Где же вы пропали, неудачные летчики? — сказал он.— Я по всем телефонам звоню, разыскиваю вас. Давайте сразу за стол, а то у Марии Петровны все уже пережарилось.

Шолохов был в хорошем настроении и лишь шутя упрекнул нас, что мы с Анатолием Калининым приехали в Вешки на день позже, не так, как недели за две до этого договаривались в Москве.

В этом году была трудная зима и не менее трудная для хлеборобов весна. Пришлось много пересевать вымерзших из-за отсутствия снега озимых.

— Но мы, кажется, ничего, справились? — обратился Михаил Александрович к секретарю Вешенского райкома партии Николаю Александровичу Булавину.

— Да, справились, все, что следовало, пересеяли,— ответил скорее для нас, чем для Шолохова, Булавин.

— Думаем, что и урожай будет приличный,— все так же, обращаясь к Булавину, чуть требовательно спросил Шолохов.

— Надеемся,— ответил Булавин.— Метеорологи дождик обещают.

— Дожди должны пройти... Погода наступила теплая,— сказал Тесля.

— Ну, если секретарь обкома по идеологии обещает, дожди должны быть обязательно,— сказал, улыбаясь, Шолохов.

— Михаил Александрович,— спросил я,— какое впечатление от статьи английского писателя Джека Линдсея, которую мы печатали в «Огоньке»?

— Да ничего... Только, по-моему, он перехвалил автора.

— Мы ему не подсказывали, что писать.

— И за то спасибо... А почему это вы решили опубликовать эту статью?

— Редакция «Огонька» готовит для выпуска в издательстве «Правда» к пятидесятилетию вашей литературной деятельности сборник, в котором будут выступать и наши советские и многие зарубежные писатели. Джек Линдсей откликнулся на нашу просьбу. Нам показалась его статья очень интересной, вот мы и решили познакомить читателей с тем, что думает о вашем творчестве один из видных английских писателей... Сейчас мы получаем и другие статьи...

— Да, это верно... В сентябре двадцать третьего года я впервые напечатал в Москве свои рассказы...

— Вам было тогда всего восемнадцать лет?

— Было и восемнадцать,— еще раз улыбнулся Шолохов.

— Михаил Александрович,— сказал Тесля,— книга Константина Приймы «Тихий Дон сражается» на днях выходит в Ростовском издательстве. Мы уже сейчас чувствуем большой читательский интерес к этой работе.

— Прийма написал серьезную книгу,— заметил Анатолий Калинин.— Читатели получат большой материал об истории изданий «Тихого Дона» за рубежом...

Обед шел к концу. За окном садилось солнце. Наш фотокорреспондент Николай Козловский нервно поглядывал то на окрашенные багряным цветом окна, то на сидящих за столом.

— Пойдемте на воздух,— взмолился он.— А то будет темно, ничего не сниму.

Мы вышли во двор. От Дона тянуло сырым ветерком. Михаил Александрович направился к скамейке, стоящей над обрывом, спускавшимся к реке. За Доном в розовато-голубой дымке протянулись кусты краснотала. Где-то слышалась протяжная песня. Шолохов прислушался.

— Хорошо поют станичники,— сказал он.

Мы уже знали о том, что Михаил Александрович недавно был на выступлении Донского ансамбля песни и пляски. Поддержал ансамбль добрым словом, одновременно посоветовал не забывать старые донские песни, а потом вместе с Марией Петровной спел одну из казачьих песен.

Мы спросили у Михаила Александровича о его ближайших планах.

— О литературе мы поговорим завтра с утра,— ответил он.

— А нелитературные планы?

— Гости должны быть у меня из Казахстана... Я почти каждый год наезжаю к ним и поработать в тишине и поохотиться... А этим летом у себя казахов принимать буду... Из Грузии собираются гости приехать к осени...

— Михаил Александрович,— сказал Тесля,— вы старый друг рабочих «Ростсельмаша». Они в этом году начинают выпускать новый комбайн «Нива». Ростсельмашевцы ожидают вас у себя на заводе.

— Ну, почему же меня одного? Вот с Анатолием Калининым, пожалуйста... С другими писателями...

— И текстильщики в городе Шахты ждут вас... К строительству комбината вы имели прямое отношение... Все знают, что вы ставили вопрос перед правительством о строительстве текстильного комбината. Комбинат начал работать — текстильщики ожидают вас в гости.

— Хорошо, подумаем... Подумаем... Может, они ко мне приедут...— сказал Шолохов.

Солнце уже закатилось за крыши домов, стало совсем прохладно.

— Ужинать будем? — спросил Михаил Александрович.

— Да что вы, после такого обеда!!!

— Ну, хорошо, отдыхайте с дороги... Она у вас сегодня была нелегкой, а завтра в восемь утра встретимся.

...Яркое апрельское утро ослепило окна нашего номера. Я открыл окно. Прямо перед гостиницей виден был Дон и переправа. К причалу неторопливо подходил паром. Когда-то, побывав впервые, за несколько лет до войны, у Михаила Шолохова, я написал стихи «В станице Вешенской». Начинались они так:

У берега поджарые быки
Лениво ждут неспешной переправы;
Разлился Дон и скрыл степные травы —
Разливы в этом месте широки.

Паром. На нем высоко взметены
Оглобли, брички, арбы, полутонка...
«Ковыльный край, родимая сторонка»,—
Играет балалайка в три струны.

И сейчас к берегу подходил паром, но только сплошь забитый грузовыми и легковыми автомашинами. Утром и вся станица с ее новыми зданиями и какой-то новой строгой простотой выглядела удивительно пригоже и чисто. Как и накануне, на пороге нас встретил Михаил Александрович.

— Ну, к столу... Попьем чаю и уединимся.

Вскоре мы перешли в кабинет. На столе лежали горкой письма. Рядом с ними — недавно вышедшая поэма Феликса Чуева, посвященная Юрию Гагарину.

— Располагайтесь,— сказал Михаил Александрович.

Он вышел и вернулся с большой папкой.

— Это записки недавно умершего Михаила Федоровича Лукина.

Мы знали о том, что Шолохов встречался не раз с Лукиным. Судьба этого генерала оказалась очень нелегкой. Осенью сорок первого года он после Ивана Степановича Конева командовал на Западном фронте 19-й армией... В октябре в районе Вязьмы армия попала в окружение. Лукин был тяжело ранен. В бессознательном состоянии был взят в плен. Всю войну находился в немецких лагерях. Вел себя очень мужественно. Плюнул в физиономию предателя Власова, предлагавшего Лукину изменить Родине. Затем после победы в числе других вернулся в Москву и работал преподавателем в одной из военных академий. Несколько лет назад в Ростове он встретился с Михаилом Александровичем. Беседы их продолжались несколько дней. Не так давно генерал Лукин скончался.

Теперь записки Лукина, перепечатанные и аккуратно подобранные лист за листом, Шолохов держал в руках и глуховатым голосом, неторопливо выбирая нужные места, которые, как мне показалось, он уже отлично знал, читал нам с Калининым.

— Вот трагическая судьба честного генерала,— сказал Шолохов, оторвавшись от записей.— Не так все просто было на войне, как некоторым кажется. Лукин рассказывал здесь о том, что уже самые первые дни войны показали, что учения в мирных, довоенных условиях далеко не соответствовали тому, что поднесла война. И не все и не каждый вели себя одинаково.

— Недавно я читал статью одного из наших критиков,— сказал Калинин.— В этой статье утверждалось, что война сглаживает, делает похожими одного на другого людей, стирает их индивидуальности, унифицирует характеры...

— Как же так стирает? — Шолохов словно бы продолжал свою собственную мысль.— Каски действительно одинаковые, но под касками люди разные, непохожие друг на друга... Да и как можно сгладить характеры? Жизнь человеческая часто складывается драматично, а порой даже трагически... Вот Лукин, как он описывает свое возвращение из плена? Попробуйте сгладить его трагедию... У некоторых товарищей создается неправильное представление о писательском труде... Хотят, чтобы герои были описаны, словно бы они все время находятся на марше, навытяжку стоят перед писательским взором... Конечно, и Лукин мог бы покинуть армию, но не захотел... Совесть не позволила... Уже в плену ему показывали окровавленный партбилет одного из генералов... Он погиб, пытаясь выйти из окружения.... А отнеслись к нему неправильно. Война — это всегда трагедия для народа, а тем более для отдельных людей... Люди обретают себя в подвигах, но подвиги эти бывают разные... Такие, как Лукин, обретают себя как личности и в трагических обстоятельствах... О войне нельзя писать походя. Слишком это все ответственно...

Шолохов говорил, а я вспоминал осень 1941 года. В ту пору я находился в одном из московских госпиталей. Помнится, ко мне в госпиталь приезжали мои друзья, с которыми мы вместе служили в газете 19-й армии «К победе». Друзья рассказывали о приезде в нашу редакцию Михаила Шолохова, Александра Фадеева и Евгения Петрова. Они в подробностях передавали долгие беседы с нашими армейскими журналистами, среди которых было и несколько ростовских писателей. Таким образом, Михаил Александрович хорошо знал обстановку, сложившуюся осенью 1941 года на Западном фронте.

— Все время думаю, как воссоздать правду о том, что было. Это не так бывает просто, да и не всем хочется иногда читать эту правду... Не хочется читать правду, а неправду писать не хочется... Да и не име-

ем мы на это права,— продолжал Шолохов.— Особенно осторожно надо обращаться с теми, кого называешь собственными именами. Не надо показывать, что если ты писатель, то тебе можно все и выдумывать и преувеличивать, пренебрегая исторической правдой, возвеличивать одних за счет преуменьшения и даже уничижения других... А совсем рядом находясь с событиями, мы, к сожалению, иногда и делаем такие ошибки... Вспомните, через сколько лет Толстой приступил к «Войне и миру»?

...И опять вспомнились слова Александра Александровича Фадеева, сказанные мне летом 1953 года: «Некоторые мои друзья сочувствовали мне за критические замечания, сделанные в мой адрес по «Молодой гвардии». Конечно, мне было не очень приятно все читать... Но теперь, когда прошло время, я узнал новые, дополнительные факты, в частности о том, что в Краснодоне, кроме молодогвардейцев, была еще и подпольная партийная организация. Получается так, что я должен благодарить за эти критические замечания».

— От правды никуда не денешься,— продолжал Шолохов.— Хотя за нее бывает не просто иногда бороться... Так было и с «Поднятой целиной». Помните главу о раскулачивании? Не хотели некоторые деятели пропускать ее. Как же не пропускать, если все это было? Было. Жесткая, но правда. Я не мог публиковать роман без этой главы. Пришлось обратиться к Сталину и рассказать ему о моих трудностях. Вопрос был решен мгновенно. Сталин даже рассердился... Как же можно было без этого? Ведь тогда и события уменьшаются и снижаются до бытовых описаний... Только и всего.

...И опять невольные воспоминания. В 1954 году у нас в «Огоньке» оказались первые главы второй книги «Поднятой целины». Они появились после долгого перерыва. Шла война, и Шолохов отложил, естественно, роман. Досужие литературные сплетники болтали, что второй книги не будет... Но сплетники есть сплетники, а здесь были прекрасные главы, и трагические и насыщенные неповторимым шолоховским юмором. А главное — в них снова была правда жизни. Именно тогда произошла беседа с одним деятелем, который, морща гримасой лицо, говорил мне: «Знаете, как-то нехорошо, что Давыдов встречается с Лушкой в степи... Все-таки председатель колхоза». Я ответил тогда: «А где ж Давыдову еще встречаться с ней?»

Мы тогда опубликовали эти главы в «Огоньке», и читатели восторженно их приняли.

— Я разговаривал недавно с одним добрым собеседником,— говорил Михаил Александрович,— высказывал свои сомнения всяческие, вспоминал историю главы о раскулачивании... Собеседник сказал мне: «Тогда не боялись писать, что ж вам сейчас беспокоиться?» А беспокоиться, конечно, приходится не столько о трудностях при встречах с людьми, боящимися правды, но, главное, о том, как наиболее точно эту правду написать...

— Пишете сейчас? — спросил я осторожно.

— Конечно, пишу... На рассвете, когда никто не мешает и хорошо думается... Каждый день... Медленней, чем хотелось бы, но каждый день.

...Мы уже сидели больше трех часов. Весна разливала за окнами свое тепло... А мы все слушали чуть глуховатый голос Михаила Александровича и любовались про себя им, как всегда, подтянутым, вобравшим огромный заряд мысли, поверявшим нам свои сокровенные думы. И казалось, все ушло куда-то далеко. Был только кабинет, заполненный весенним светом, и рядом сидящий любимый наш писатель. И вдруг в эту тишину ворвался телефонный звонок. Шолохов снял трубку. Это была междугородная. Шолохова вызывал Крым. Михаил Александрович слушал, изредка прерывая далекого собеседника вопросами. А когда разговор закончился, сказал:

— В Крыму много виноградников померзло... Беда.— И вздохнул: — Суровая и бесснежная зима была... У нас тут тоже виноград померз... Вот и Мария Петровна жалуется.

— Я пришлю черенки,— сказал Калинин.

— Спасибо, Толя.— Шолохов тепло посмотрел на Калинина.

Подходила пора отъезда. До вечера мы должны были вернуться в Ростов. Да и не хотелось больше утомлять нашего радушного хозяина, не хотелось мешать ему работать. Мы вышли на крыльцо и остановились возле белой березки, что стоит у дверей шолоховского дома. Теплый воздух шел от переливавшегося под солнцем Дона.

Мы обнялись с Шолоховым.

— Приезжайте,— сказал он.— Приезжай, сынок,— обратился Михаил Александрович к Анатолию Калинину.

Молча мы подъехали к парому и только там, уже переправляясь через Дон, скупо заговорили.

Машины резко пошли в гору. Слева от нас мелькнула дорога в хутор Кружилин. Провожавший нас до границы района секретарь райкома партии Булавин сказал, глядя в сторону хутора:

— Здесь родился Михаил Александрович. Мы вернули на место хату, где он родился. Кто-то ее уже передвинул в другое место. Много людей приезжает сюда. Хотят видеть все шолоховское... Мы думали музей открыть в этом доме, да Михаил Александрович сказал: «Рано». Запретил, одним словом.

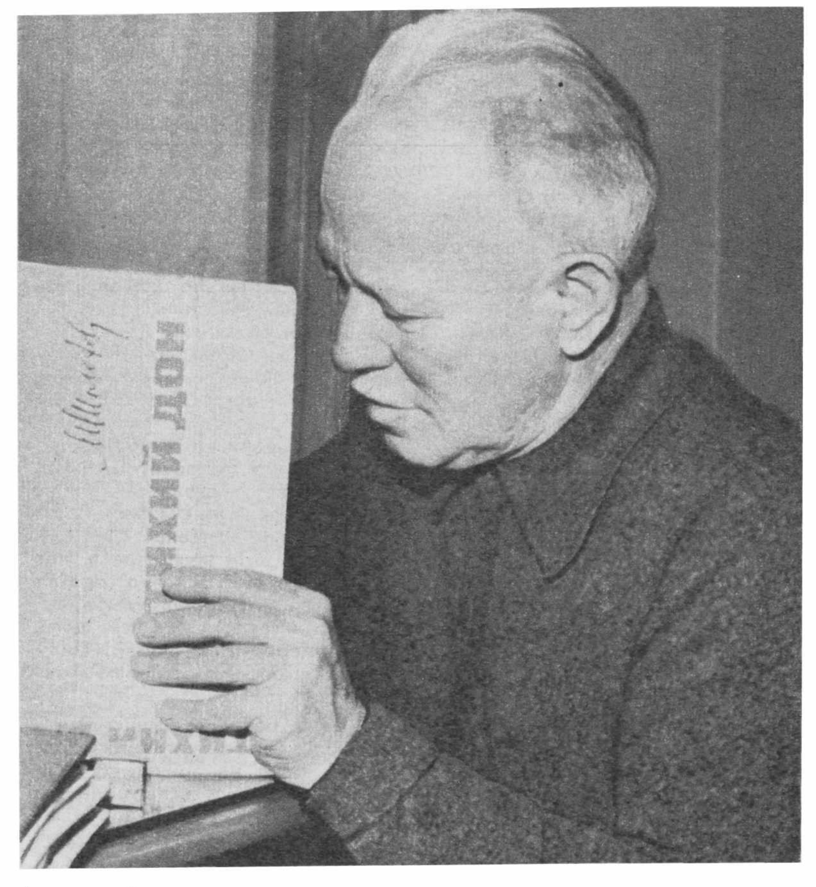
На границе Вешенского и Боковского районов мы вышли из машины, чтобы попрощаться. Чудодейственная донская весна нахлынула на нас пением жаворонков, первой травой, первыми голубыми и желтыми полевыми цветами. И было радостно и светло на сердце. Что-то еще произошло в жизни такое, что никогда не забудется.

Мы сели в машины, захлопнули дверцы и взяли курс на Ростов.

Апрель 1972 года.

В кабинете писателя.

Автограф...

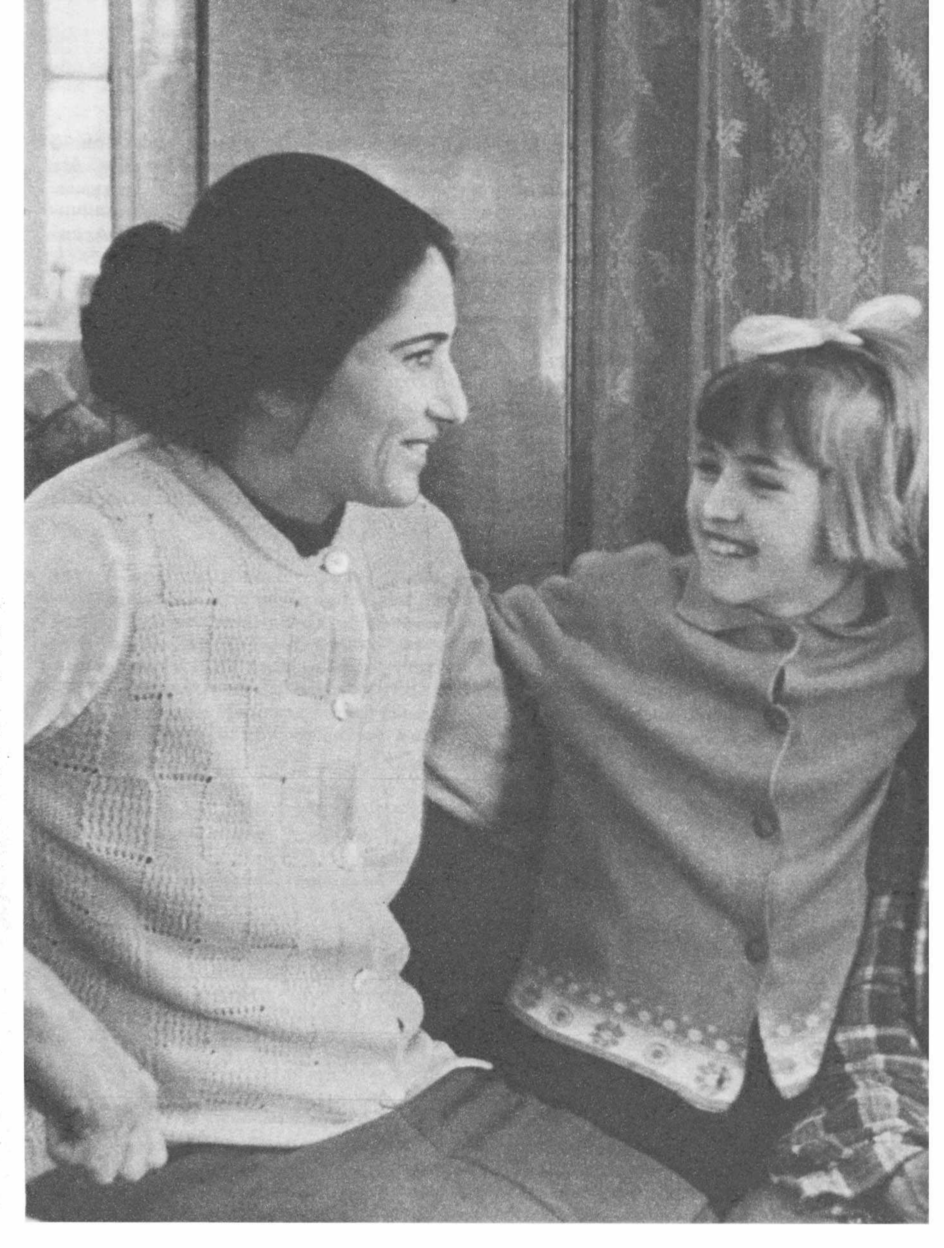
М. Шолохов и А. Калинин.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Это репортаж о детях блокадного Ленинграда, для которых черкесский аул стал родным домом.

Алексей ГОЛИКОВ
Фото М. САВИНА.

В 1942 году ребята детдома, эвакуированного из блокадного Ленинграда, оказались в Армавире. Но война настигла их и там: фашисты развернули наступление на Северный Кавказ. Детей посадили на подводы и отправили дальше. Так они попали в черкесский аул Бесленей.

— Хорошо помню тот день,— рассказывает старожил аула Абдул Карданов.— Моя сакля крайней была. В полдень вышел и вижу: большой обоз идет. Ну, думаю, военные. А ближе подъехали, смотрю: на подводах-то ребятишки сидят. Возле речки обоз остановился. Я подошел к подводам, да и другие наши жители тоже. Таких детей мы еще никогда не видели: худющие, бледные, у многих ноги опухли. А главное, тишина. Ни крика, ни смеха, ни громких голосов. Те, что покрепче были, слезли с бричек и опустились на траву, серьезные, безучастные, словно маленькие старички.

Наши женщины — в слезы. Да и у нас, мужчин, сердце зашлось. Женщины разбежались по домам. Принесли мед, кислое молоко, мясо. С детьми было несколько воспитательниц. А за старшего у них мужчина в гимнастерке, один рукав пустой, за ремень заправлен. Отвоевал. Его наш председатель сельсовета Сагид Шовгенов и спрашивает: «Откуда такие дети несчастные? Куда везете их?» А тот в ответ: «Это дети блокадные, из Ленинграда. Везем в Теберду. Такой нам маршрут дан. Только,— говорит,— всех не довезем. Уж очень слабые есть. Помрут, пожалуй, в дороге». Замолчал и смотрит на нас, ждет, что скажем. А что скажешь, когда такая беда? Словом, забрали наши горцы к себе в семьи тех ленинградских ребятишек, которые ехать дальше не могли.

Обоз ушел, а вечером мы собрались у председателя. Слух уже прошел, что гитлеровцы фронт прорвали и быстро наступают. Того гляди к нам нагрянут. А что они тогда с ленинградскими ребятишками сделают?! Есть среди них и еврейские дети. Думали мы, думали и порешили: всех приемышей в сельсоветскую книгу записать — имена им дать наши, черкесские, а фамилии — тех семей, которые их приняли. На поверку вышло, что мы правильно поступили.

...В моей сакле поселился ефрейтор Освальд. Высокий, худой, все хитровато улыбается и про ленинградских детей спрашивает: видать, какой-то предатель успел уже донести.

Вызвал Освальд нашего Сагида Шовгенова и стал допытываться. Сначала ласково, мол, немцы черкесам лучшие друзья, а ему, Освальду, точно известно: в ауле скрываются ленинградские дети. Их надо изолировать. К тому времени мы уже знали, что значит у фашистов «детей изолировать». Обоз с ребятами, что к нам заходил, до Теберды не дошел: гитлеровцы его захватили и всех ребятишек расстреляли...

Наш председатель, конечно, отвечает, что никаких ленинградских детей в ауле нет. Обоз с детьми через аул проходил, это точно, в Теберду направлялся. А больше он ничего не знает. Тут Освальд достает пистолет и кричит: «Застрелю, если не скажешь правду!» «Стреляй,— отвечает Сагид,— но от этого дети не появятся. Нет их у нас в ауле». Освальд спрятал пистолет и опять стал улыбаться. «Хорошо,— говорит,— я все дома обойду, пересчитаю детей. Найду ленинградских — расстреляю и тебя и тех, кто прячет».

И верно, облазил фашист почти все сакли. Снова пистолетом грозил. Но никто не принял на себя детскую кровь. А вскоре немцы из аула ушли, сменили их румынские саперы. Освальд исчез; не появлялся больше. Так у нас в ауле и остались жить ленинградские дети.

— Что стало с ними?

— Некоторые умерли, так и не оправились после блокады, другие после войны уехали: отыскались родители, родственники. А четверо и сейчас здесь живут. Для них аул Бесленей родным домом стал, а они настоящими черкесами. Повстречайтесь с ними, сами увидите.

...В ауле Бесленей работает Катя Иванова. Теперь она Фатима Гукова.

— Когда нас вывезли из осажденного Ленинграда, мне было двенадцать лет,— рассказывает Фатима,— но помню не все. Помню дом на Охте, в котором мы жили. Слова мамы, что папы у нас больше нет, что его убили. Папа ушел на фронт в первые дни войны. Помню, что в блокадную зиму все время было холодно и хотелось есть. Мама приносила все меньше и меньше хлеба, а нас у нее было трое: брат Валентин, старше меня на год, и сестренка самая младшая — Женя. Свой паек мама почти весь отдавала нам. Однажды вечером она легла, а утром уже не могла встать. Брат получил по карточкам хлеб, я отрезала кусок, несу маме, говорю: «Поешь и сразу поправишься». А она мертвая...

Нас поместили в детский дом, видимо, тоже на Охте, а весной эвакуировали в Армавир. В ауле Бесленей меня взял к себе в семью Абдурахман Охтов. Он стал моим вторым отцом, а его жена Щаща — матерью. Она меня и выходила. Когда пришли гитлеровцы, на чердаке прятала: я беленькая — лицо-то русское, уж очень приметная.

И все же как-то немец меня увидел: не помню, зачем выбежала на улицу. Стала играть, а вдруг кто-то кричит: «Девочка, подойти ко мне!» Смотрю: фашист, высокий, худой. Я испугалась и в соседний двор юркнула. Хозяин меня спрятал. У него дочка была вроде меня, такая же девочка. Офицер стал про меня спрашивать, а он ему свою дочку показывает. «Вот,— говорит,— сейчас с улицы прибежала». Немец кричит: «Это не та!» А хозяин отвечает: «Другой нет». Фашист пистолетом в грудь ему тыкал, но хозяин не выдал.

Новые родители заботились обо мне так же, как и о своем родном сыне Мухомеде, с которым мы росли дружно. А годы-то были тяжелые, голодные. Родители, черкесы, дали мне все, что могли дать. Вот уже живу здесь тридцать лет. Вышла замуж. По мужу моя фамилия Гукова. Муж черкес, работает слесарем. У нас шестеро детей.

После войны узнала, что моего родного брата и сестру взяла на воспитание русская семья на хуторе Ново-Исправинском, это километров сорок отсюда. Сестра Женя и теперь там живет, вышла замуж. А брат Валентин после службы в армии переехал в Ленинград.

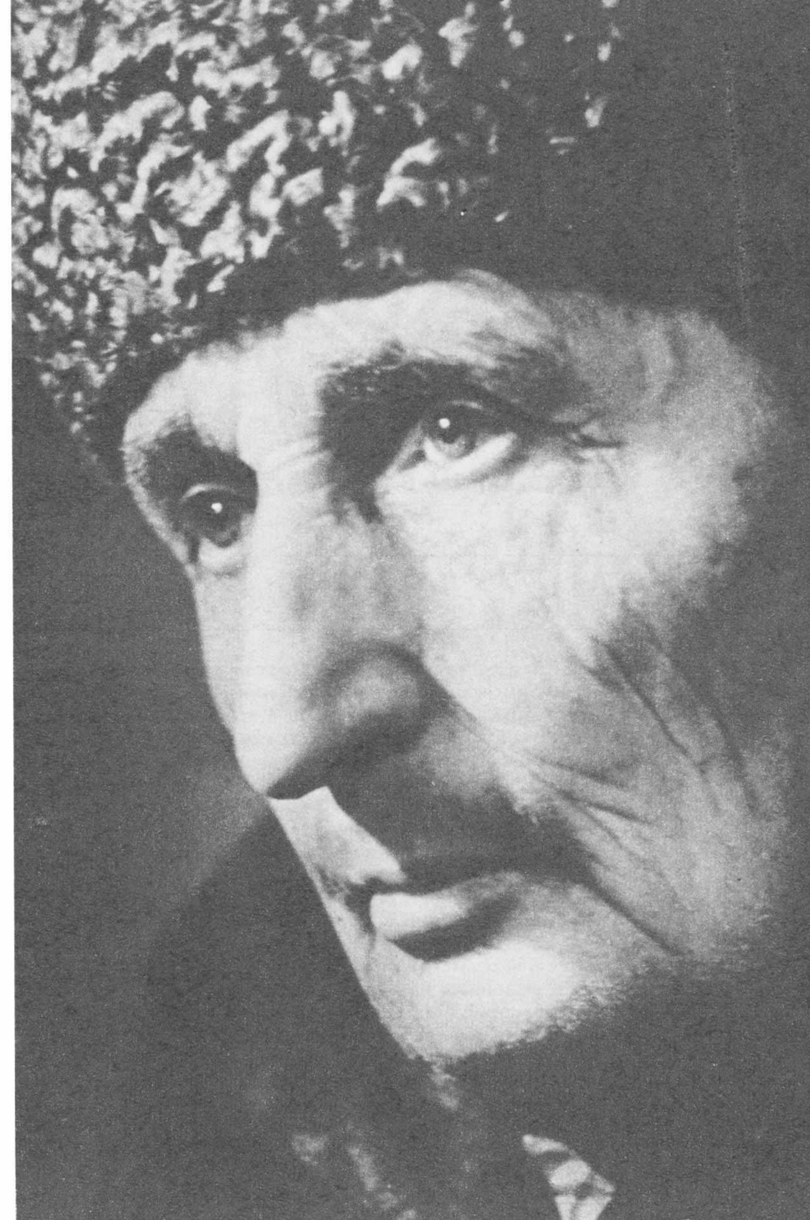
...Дом Рамазана Адзинова мне показали сразу. На пороге встретил отца хозяина — Магомеда Адзинова. Он сказал, что Рамазан еще на работе, и предложил подождать. Я попросил старого горца рассказать о своем приемном сыне.

— Когда мы с женой Карой взяли к себе мальчика, то он помнил только, что его зовут Витя, что жил в Ленинграде на пятом этаже. От голода у Вити опухли

ЧЕТВЕРО ИЗ АУ

Заведующий учебной частью средней школы в ауле Бесленей Мусса Агаржаноков, его мать Кукра, жена Ера и дочери.

Старейший житель аула Бесленей Абдул Карданов.

ноги, и ел он плохо. Однако все корочки со стола тайком собирал и прятал в укромном уголке у себя за кроватью. Когда жена их там случайно нашла, то заплакала от жалости. Витю я назвал в честь деда Рамазаном и дал ему свою фамилию. А жена называла его: «Мой русский сын».

Рамазан подрос, научился ездить верхом, как настоящий черкес. Помогал матери по хозяйству, а мне — в поле. Учился хорошо, но после седьмого класса начал работать: мать тяжело заболела. Отвезли мы ее в Пятигорск, положили в больницу. Все усилия врачей были напрасны — она уже не смогла встать с постели. Кара проболела шестнадцать лет, и все эти годы Рамазан вместе со мной заботливо ухаживал за ней. А потом, когда совсем плохо стало ей, он взял очередной отпуск и еще два месяца, чтобы все время быть около матери. Так у него на руках она и скончалась.

...Пришел с работы Рамазан, загорелый, с веселыми светлыми глазами. Он, как и отец, говорит по-русски с заметным акцентом: «Я же вырос в черкесской семье! И жена Лёля — тоже черкешенка. У меня, как и у всех в ауле, два родных языка — русский и черкесский. Семья у нас большая и дружная... Пятеро детей. И отец живет с нами...»

...В средней школе аула Бесленей заведует учебной частью и преподает физику бывший ленинградский мальчик Мусса Агаржаноков.

— Ленинграда совсем не помню,— рассказывает он. — Где-то в памяти зацепилось, что меня звали Мариком. Порой кажется, что и родился-то я в этом ауле и всегда у меня были отец Якуб и мать Кукра. Жилось нам тяжело. Отец часто болел. Но он настоял, чтобы я не бросал учебы. А после окончания школы послал в город Черкесск, в учительский институт. «Мы с матерью неграмотные крестьяне, а ты будешь ученым,— говаривал он,— дети должны быть лучше родителей».

— Почему из всех ленинградских детей мы с мужем выбрали Муссу? — задумчиво говорит Кукра Агаржанокова.— Очень он нам понравился. Плохонький был, а глаза большие, черные, живые. Он у нас быстро начал поправляться. А тут пришли фашисты... Вот уж натерпелись страха... Входит в наш дом гитлеровец, велит всех ребятишек показать. Я говорю, что у меня только один, вот этот, мой сын Мусса. «Врешь,— кричит,— это не черкес! Я вижу, что это ленинградский мальчик... Худой и бледный». «Мой Мусса долго болел и только поправляться стал»,— отвечаю я. Немец велел принести сельсоветскую книгу и пригрозил, что сейчас проверит, и если я соврала, то застрелит. А в книге-то мой Мусса записан. Тогда фашист достает из кармана конфету, гладит Муссу по головке и ласково говорит: «Ты очень хороший мальчик. Скажи, как тебя зовут, откуда ты приехал, и я тебе вот эту конфету дам». У меня сердце замерло. Ну, думаю, сейчас правду скажет, и мы пропали. А он, словно понял, что это плохой человек, только глядит на фашиста во все глаза и молчит. «Мой Мусса — черкес и по-русски не понимает»,— говорю я. Немец что-то забормотал по-своему, видать, очень ругался. Хлопнул дверью и ушел. Так и остался у нас Мусса жить. Видите, какой он вырос — большой, сильный, ученый. Кормилец наш...

...Рамазана Хаджи Хежев взял с подводы, когда обоз уже уходил из аула. На все вопросы: «Как тебя зовут? Где твои мама и папа? Сколько тебе лет?» — мальчик не отвечал. Так они ничего и не узнали о нем.

Хаджи принес ребенка домой. Жена Фатима вымыла, накормила его, уложила спать. Утром Хаджи спросил мальчика: «Хочешь называться Рамазаном?» «А папа с мамой у меня будут?» «Теперь я твой папа, а это твоя мама. И у тебя есть две сестры. Ну как, согласен?» «Да! Только у тебя борода очень страшная». «Бороду мы сбреем»,— засмеялся Хаджи.

Рамазан медленно поправлялся от блокадной дистрофии. Однажды, придя домой из школы, он спросил у отца: «Правду мальчишки говорят, что я не черкес, а русский?» «А какая разница, черкес ты, русский или еще кто... У всех у нас одна Родина — наш Советский Союз»,— ответил Хаджи.

После седьмого класса Рамазану пришлось идти работать: семья осиротела, не стало кормильца, умер Хаджи Хежев. Рамазан заменил в семье отца.

Большую роль в жизни Рамазана сыграла служба в Советской Армии.

После службы в Советской Армии Рамазан вернулся к матери, женился на черкешенке Аминат. Теперь он работает шофером.

— Я никуда не собираюсь уезжать,— говорит он.— Аул Бесленей давно стал для меня родным...

БЕСЛЕНЕЙ

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

Михаил ЛЬВОВ

Ладожская трасса — Дорога жизни, как назвали ее ленинградцы. Ее защищал наш Четвертый гвардейский истребительный полк военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота. Защищая Дорогу жизни, летчики дрались насмерть. Однажды весной сорок второго года комиссар полка Степан Григорьевич Хахилев позвонил в политотдел и попросил прислать хотя бы несколько истребителей вместо выведенных из строя во время сражений над автоколоннами, везущими хлеб ленинградцам.

— Самолетов пока нет,— ответил начальник политотдела бригады и затем добавил: — Артистов пришлем.

Хахилев молчал.

— Ты что, отказываешься?

— Нет-нет,— поспешно ответил комиссар полка.

...Драный фургон, пробитый многими осколками, появился под вечер. Не успели артисты покинуть машину, как со стороны озера вырвалась восьмерка «ястребков». Они сделали горку над холмом. Короткая дружная очередь из бортовых пулеметов и пушек разорвала тишину.

— Что это? — спросила певица. — Почему они стреляют?

— Это, Клавдия Ивановна, салют погибшим и знак, что летчики добились новой победы,— ответил Хахилев.

Клавдия Ивановна Шульженко внимательно смотрела, как летчики вели машины на посадку.

Ту восьмерку можно назвать легендарной. Ведущий — Василий Голубев, за ним — Михаил Васильев, Алим Байсултанов, Геннадий Цоколаев, Петр Кожанов, Анатолий Кузнецов — все шесть стали Героями Советского Союза. Вместе с ними — Иван Творогов и Владимир Дмитриев, кавалеры ордена Ленина. Они защищали эшелоны с хлебом. «Юнкерсам» не удалось прорваться. И как награда за смелый бой — концерт фронтовой бригады. Особенно восторженно гвардейцы встретили «Синий платочек».

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых радостных встреч.

Мы отбили ладони, аплодируя Клавдии Ивановне Шульженко.

После концерта комиссар предоставил слово балтийскому асу гвардии капитану Василию Голубеву.

— Земной вам поклон за ваше искусство, за душевные песни,— сказал летчик. — Ваш «Синий платочек», Клавдия Ивановна, будет с нами во всех боях, и первый же сбитый нами «юнкерс» или «мессер» мы посвятим вам...

Глаза у Клавдии Ивановны повлажнели, а может быть, нам показалось так: был ветреный, холодный вечер.

— Спасибо за теплые, дорогие сердцу слова,— сказала Шульженко. — Обещаю: как только добьетесь очередной победы над Дорогой жизни, снова приеду.

На следующий день — один бой за другим. Фашистские самолеты волнами шли на трассу, пытаясь дезорганизовать перевозки хлеба. Балтийцы делали вылет за вылетом, не отдыхая. Все летчики полка в тот день вели напряженные бои. Одного «мессершмитта» Василий Голубев сбил на глазах у командующего флотом вице-адмирала В. Трибуца. Командующий сам позвонил в полк и поблагодарил летчика.

— А ведь Клавдия Ивановна обещала приехать, как только очередной сбьем! — вспомнил гвардии старший лейтенант Анатолий Кузнецов.

Голубев возразил: мол, Клавдию Ивановну все полки ждут. Но тут комиссар Хахилев объявил, что немедленно даст телеграмму в политотдел. Для верности еще и по телефону позвонил.

— Ты опять насчет самолетов? — спросил начальник политотдела.

— Нет, насчет артистов.

— Ты ведь не просил в прошлый раз.

— А сейчас прошу. Клавдия Ивановна к тому же обещала. Полк ждет.

— Не знаю, не знаю, сможет ли она,— сказал начальник политотдела. — Артисты страшно устали. Фургон обстреляли фашисты. Не обещаю...

На другой день знакомый фургон, в котором прибавилось пробоин, снова появился в Четвертом гвардейском. Артисты исполняли программу на бис. А «Синий платочек» звучал, если мне не изменяет память, раз пять. Клавдия Ивановна выполнила все заявки летчиков. На прощание она сфотографировалась с группой балтийцев. **Первый ряд: слева направо третий — Герой Советского Союза В. Голубев, далее К. И. Шульженко, Герой Советского Союза М. Васильев. Стоят: слева направо третий — Герой Советского Союза А. Кузнецов, пятый — комиссар полка С. Хахилев, шестой — Герой Советского Союза П. Кожанов.**

Провожал певицу весь полк. Потом уже мы узнали, что за фургоном охотился «мессершмитт». Фашистский пилот пытался расстрелять грузовик. Но точно в назначенный час на другом балтийском аэродроме, как ни в чем не бывало улыбаясь, Клавдия Ивановна выступала перед летчиками, техниками и оружейниками.

Через много лет после памятного фронтового концерта бывший военком Четвертого гвардейского полковник запаса Степан Григорьевич Хахилев снова побывал на концерте знаменитой певицы. На этот раз — в Колонном зале Дома союзов. С волнением старый авиатор слушал песни, помогавшие воевать его питомцам. Потом он подошел к Шульженко. Конечно, Клавдия Ивановна в седом штатском человеке не могла узнать комиссара, встречавшего ее на аэродроме. Но стоило Хахилеву сказать: «Дорога жизни Ленинграда...» — стоило показать снимок, который печатаем на этой странице, как Клавдия Ивановна вспомнила все: и телеграмму, и победу Голубева над «мессершмиттом», и свой повторный концерт. Спросила, как сложилась судьба тех, с кем она сфотографировалась тогда, весной сорок второго. Комиссар рассказал: Герои Советского Союза капитаны Петр Кожанов, Михаил Васильев, Анатолий Кузнецов погибли в боях за город Ленина. Василий Голубев — «виновник» ее повторного концерта — Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации, продолжает военную службу.

Антракт закончился. Взволнованная вышла артистка на сцену.

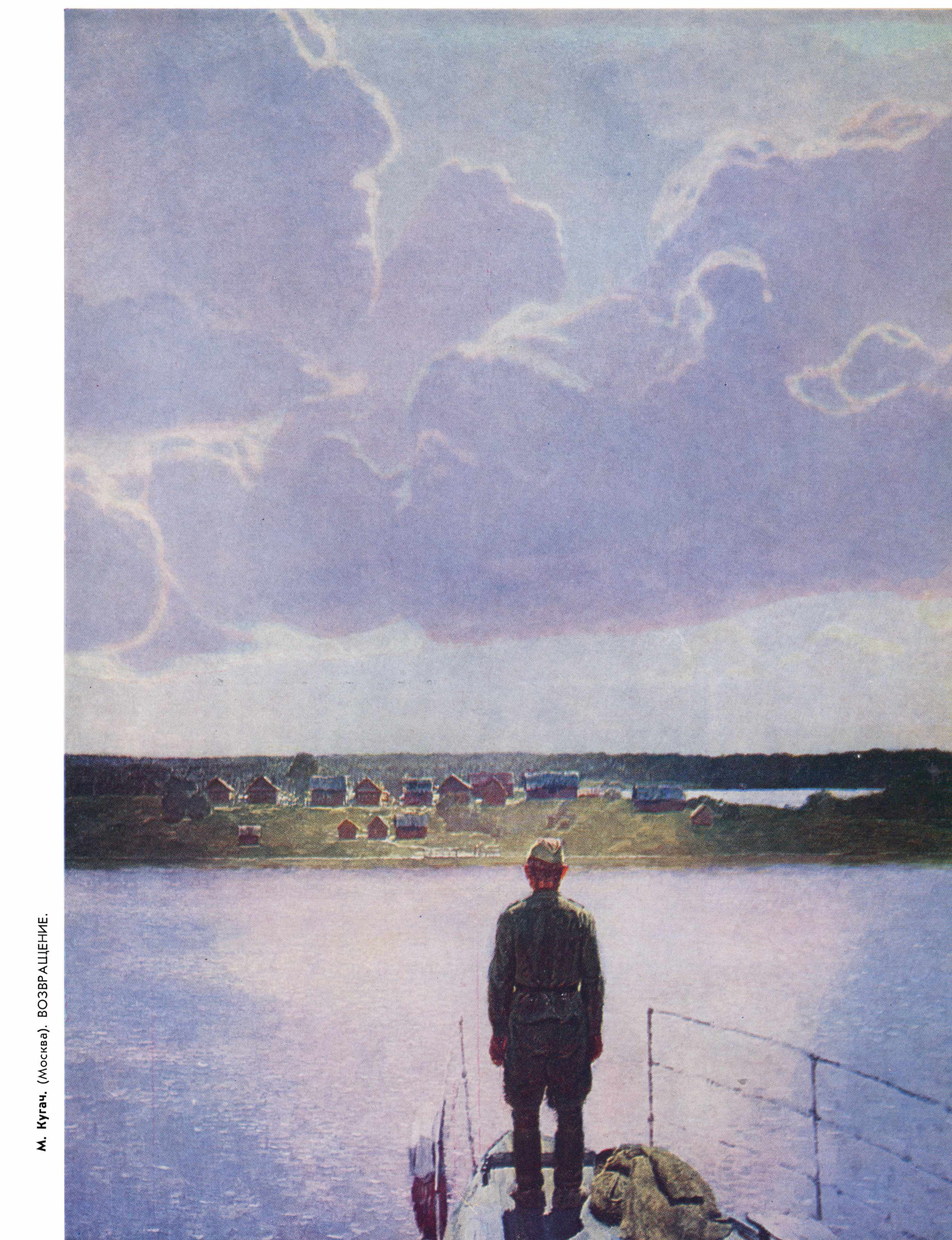
Она пела «Синий платочек».

У Хахилева в жизни было много потрясений и бед. Терял лучших боевых друзей. При переходе кораблей из Таллина в Кронштадт, когда эсминец подорвался на мине, десять часов плавал в холодном заливе, пока подобрали матросы с другого судна. Но никогда мы не видели, чтобы комиссар плакал. А тут, услышав песню, полез за платком.

Недавно мы побывали на Ладожском озере, ставшем родным всем нам — ветеранам Четвертого гвардейского полка. Поклонились друзьям, погибшим при защите Дороги жизни. Вместе с колхозниками, в домах которых тогда жили, вспомнили боевые дни и дела балтийских асов. И, конечно, Клавдию Ивановну Шульженко, чья муза не умолкала и тогда, когда гремели бои.

— Песни Шульженко, как снаряды и патроны, были нужны нам в бою. «Синий платочек» и сейчас с нами — на всю жизнь! — так сказал Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации В. Ф. Голубев.

Ладожское озеро курилось вдали так же, как в сорок втором, темнел лед озера, который помог спасти Ленинград. Все как тогда. Но сейчас, тридцать лет спустя, над Ладожским озером, над полем, где когда-то стояли «ястребки» Голубева и его товарищей, сияло мирное небо...

М. Кугач. (Москва). ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Ю. Друзе (Москва).

МАТЬ.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЛА...

САПЕР

Берлин — огромный город. 600 тысяч домов в Берлине. Каждая улица дышит смертью.

Возвели фашисты на улицах баррикады, завалы, заграждения. Минные поля прикрывают проходы к ним. Пулеметы простреливают каждый клочок земли. Каждый дом в Берлине стал настоящей крепостью. Каждая улица — полем боя.

На одной из берлинских улиц завал оказался особенно прочным. Из железа, из стали, из каменных плит возвели его фашисты. Штурмовала завал пехота. Не прорвались вперед стрелки. Лишь гибнут в атаках зазря солдаты. Подошли к завалу советские танки. Открыли огонь из пушек. Пытаются пробить проход. Нет достаточной силы в снарядах, в танковых пушках. Стоит, как стена, завал. Преградил он дорогу пехоте, танкам. Застопорилось здесь движение.

Смотрят солдаты-пехотинцы, танкисты на железо, на камни, на сталь.

— Подрывников бы сюда, саперов.

И вдруг словно бы кто-то подслушал солдатские речи. Видят солдаты: к завалу ползет сапер. Ползет, тащит взрывчатку, бикфордов шнур. Вот привстал. Переждал. Пригнулся. От дома к дому перебежал. Вот снова по-пластунски.

Впились солдаты в него глазами. Каждый удачи ему желает. А взрывник уже на одну из каменных плит поднялся. Лег на плиту. Кладет под плиту взрывчатку. Уложил. Шнур протянул бикфордов.

Следят за сапером солдаты. Что за чем последует, точно знают. Вот сейчас шнур подожжет сапер. Побежит по шнуру огонек к взрывчатке. Быстро спрыгнет с плиты сапер. Отползет побыстрей от завала. Добежит огонек до цели. Сотрясется завал от взрыва, и возникнет в нем брешь. Сквозь брешь и рванутся вперед солдаты.

Так и есть. Вот вынул спички сапер из кармана. Вот высек огонь. Вот подносит огонь к шнуру. И вдруг. Вскинул сапер руками. Упал на плиту и замер. «Убит!» — пронеслось.

Но нет. Шевельнулся солдат.

— Братцы, да он не убит. Он ранен.

Шевельнулся взрывник. Голову чуть приподнял. Посмотрел на плиту, на шнур. Что-то, видать, прикинул. Двинул рукой, потянулся к спичкам. Вот снова в руках у него коробок. Вот силится высечь огонь сапер. Чиркнул спичкой. Да силы мало. Не зажглась, не вспыхнула сера. Опустился вновь на плиту сапер.

Видят солдаты: плита краснеет. Теряет силы сапер. Но нет, не сдается солдат. Снова он потянулся к спичкам. Снова в руках у него коробок. Чиркнул спичкой. Ура! Горит. Тянет спичку к шнуру, дотянулся. Побежал к взрывчатке дымок, закурился змейкой.

— Прыгай, прыгай! —солдаты кричат саперу.

Лежит на плите сапер.

— Прыгай! Прыгай!

И только тут понимают солдаты: нет сил у сапера спрыгнуть.

Лежит на плите герой.

Грянул взрыв многотонной силой. Взлетели в небо плита и камни. Открылся проем в завале. Устремились в него солдаты.

Вечная память отважным. Вечная слава храбрым.

ДАНКЕ ШЁН

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Еще не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар, хозяин кухни.

Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что же, подбрось,— отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку:

— Ну-ка ступай сюда.

Подошел тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, неробкий,— бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Тянет мальчишке.

— Данке шён,— произнес малыш. Схватил миску, умчал в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не слопай, смотри верни.

— Э-эх, наголодался, видать,— отозвался ефрейтор Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер,— сказал мальчишка.

— Для сестренки мальчишка просит,— объяснил кто-то.

— Ну что же, тащи и сестренке,— ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шён,— произнес мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Тащит опять тарелку. Подошел он к походной кухне. Тянет вперед тарелку:

— Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Мальчонка был первым. Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей — и каша не в кашу, в рот не лезет.

Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну, подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

— Не толпись, не толпись,— наводит порядок Зюзин. Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому. Получают ребята кашу.

— Данке шён!

— Данке шён!

— Данке шён!

— Данке шён!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки ребята.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолет. Глянули вверх солдаты. Не наш самолет, фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! —погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолет. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался. Ударила бомба — ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползет ко камням, по притихшей улице.

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЕТ

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага. Смотрит солдат на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стеклянный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружение, два года идет вперед. Хранила судьба солдата.

— Я везучий,— шутил солдат.— В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

Ждут солдата в далеком краю российском жена и родители. Дети отца не дождутся — ждут.

Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в прорыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стеклянный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

— Вперед! Ура! — кричит командир.

— Ура-а-а! — повторяет Лыков.

И вдруг. Рядом с солдатом снаряд ударил. Прогремел взрыв. Поднял он землю девятым валом. Упала земля на землю. Сбила она солдата. Засыпан землей солдат, словно и вовсе на свете не жил.

Кто видел, лишь ахнул:

— Был человек — и нет.

— Вот так пуля ему не отлита.

— Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова — отличный товарищ, солдат примерный. Жить бы ему да жить. Вернуться к жене, родителям. Детей-несмышленышей расцеловать. Да только чудес на земле не бывает. Погребенный не оживает. Закончил свой путь солдат.

— Пусть земля ему будет пухом.

И вдруг. Снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Чуть-чуть в стороне. И этот поднял землю девятым валом.

Смотрят солдаты — глазам не верят. Поднял взрыв землю, а с ней и Лыкова. Поднял, подбросил, даже поставил на ноги.

Жив оказался солдат. Вот ведь судьба бывает. Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

Снова Лыков в атаке, в лихом порыве. Все ближе и ближе колонны рейхстага. Купол в небе стеклом блестит. Последние метры война считает.

БАЛЛАДА

Степан ЩИПАЧЕВ

Речку, которую ливень
сделал широкой рекой,
гладит по вздыбленной гриве
ветер шершавой рукой.

Била она. И разбила
железнодорожный мост.
Рельсы, будто стропила,
вздыбились на откос.

Поезд, груженный лесом,
длинный — на всю версту.
Передается рельсам,
что паровоз в поту.

Не ослабела тяга.
Трудно, но, как всегда,
жмет паровоз-работяга.
Черный. На лбу — звезда.

В топках огонь неистов,
каменный уголь жрет.
Руки у машиниста
чутки и взгляд — вперед.

Поняли он и помощник,
видя разлив воды:
будет минуты короче
поезду до беды.

Больше не стало неба,
схваченного зрачком.
Вскрикнул помощник и слепо
к насыпи кувырком.

Тут ни к чему вопросы.
В ссадинах руки горят.
«Жизнь дорога»,— колеса
внятно ему говорят.

А машинист упрямый
к месту как будто прирос.
Жарко над пропастью самой
дух перевел паровоз.

Есть похвалы, награды,
есть и волненье сердец...
Вот и конец баллады,
мужеству не конец.

СТОП:

В Москве есть всесоюзный научно-исследовательский институт, занимающийся изучением причин и разработкой мер предупреждения преступности. Мы попросили директора этого института доктора юридических наук, профессора В. Н. Кудрявцева ответить на несколько вопросов нашего корреспондента Ю. Чернявского.

ВОПРОС. Владимир Николаевич! Многие люди, далекие от юридической науки, считают, что предупредить преступление — это значит задержать, скажем, расхитителя народного добра, похищающего деньги или материальные ценности. Правомерно ли такое представление о профилактике преступлений? Или это упрощенный взгляд и наука имеет здесь в виду нечто более широкое?

Ответ. Профилактика преступлений — это, конечно, понятие более широкое. Мы различаем общие, специальные и индивидуальные меры предупреждения преступлений. Общие меры связаны с крупными социально-экономическими преобразованиями, которые происходят в нашей стране. Когда, например, партия ставит задачу обеспечить дальнейший подъем материального и культурного уровня народа, улучшить снабжение населения товарами широкого потребления, расширить жилищное строительство, то мы, криминологи, знаем, что все это благотворно скажется и на поведении граждан, все это будет способствовать уменьшению различных видов правонарушений. Хочу напомнить, что основной принцип борьбы с преступностью четко сформулирован в Программе КПСС: «Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность».

Но юридическая наука и практика предусматривают и так называемые специальные меры предупреждения преступности. Это, например, охрана общественного порядка на улицах, борьба с детской безнадзорностью, улучшение правового воспитания населения, проведение различных мер безопасности движения транспорта и т. д. Тут уж, как видите, начинают действовать милиция, суд, прокуратура. И что не менее важно, государственные и общественные организации, все активное население. Роль их еще более возрастает, когда речь идет не о профилактике преступлений вообще или в какой-то сфере хозяйственной деятельности, а о том, чтобы удержать конкретное лицо от преступного шага. Есть основания предполагать, что гражданин Н. может совершить антиобщественный поступок. И вот его вызывают в милицию или прокуратуру, ведут с ним трудный разговор дома, на заводе. Ведут этот разговор друзья, товарищи по работе, убеждают, объясняют, находят заветный «ключик» к душе человека. Это то, что принято у нас называть индивидуальными мерами предупреждения преступлений.

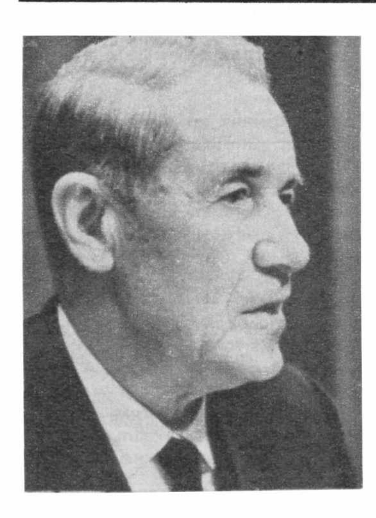
ВОПРОС. А как ваш институт практически осуществляет профилактические меры? Не могли бы вы, отвечая на этот вопрос, привести конкретный пример?

Ответ. Пожалуй, в этом плане характерна одна из наших работ, связанная с изучением процесса заготовок и переработки сельскохозяйственных продуктов. На какой-то период времени сотрудники института кандидаты юридических наук А. Н. Ларьков, А. П. Сыров и А. П. Егоров стали специалистами по этим вопросам. Такое «перевоплощение» для нас дело обычное — сегодня кандидат юридических наук с головой влезает в дела заготовителя, а завтра изучает тонкости профессии железнодорожников. Иначе и быть не может, иначе нельзя предложить разумные меры профилактики. Так вот, наши товарищи обратили внимание на некоторые особенности работы приемщиков молока, задумались: а почему приемщик сам, наличными деньгами, как ухарь-купец, рассчитывается с колхозниками, сдающими молоко? Последовал ответ, на первый взгляд убедительный: «Так быстрее, проще...» «Возможно,— заметили юристы.— Но такой порядок — лазейка для тех, кто решил погреть руки за счет колхозников и государства».

И вот что выяснилось в ходе более глубокого изучения этой проблемы. Неправильно определяя качество и вес принимаемых продуктов, создавая таким образом неучтенные излишки, некоторые приемщики присваивали стоимость этих излишков.

...Группа колхозников рано утром сдает молоко заведующему сепаратным отделением молочноконсервного завода. Люди торопятся: одни — на работу, другие — по личным делам. А этот приемщик никуда не спешит. Он медленно проверяет процент жирности молока (а молоко привезли разного качества), еще медленнее записывает полученные данные. У него тут свой расчет, свой замысел. Люди, стоящие в очереди, начинают нервничать, все чаще раздаются голоса: «Побыстрее, побыстрее, пожалуйста, опаздываем».

В спешке никто не обращает внимания на те десятые доли процента жирности, которые нестройными колонками цифр легли в графу ведомости. Главное — скорее сдать молоко и уехать по своим делам. А приемщик только и ждет, когда начнется сутолока. К концу дня он подведет итог: фак-

ПАМЯТИ ЧЕКИСТА

Смерть оборвала жизнь Яна Яновича Буйкиса. Из наших рядов ушел человек большой, благородной души, бесстрашный чекист, боевой солдат революции, вся жизнь которого являет собой пример беззаветного служения Коммунистической партии, нашей великой Родине, нашему народу.

Сразу же после Февральской революции совсем юный тогда Буйкис твердо и бесповоротно определил свой жизненный путь. В июне 1917 года он вступил в ряды Коммунистической партии и до конца жизни был верен ее великому делу.

В дни Великой Октябрьской революции Ян Янович находился в рядах легендарных красных латышских стрелков, храбро и мужественно защищал завоевания Октябрьской революции.

В марте 1918 года партия направила Яна Яновича на работу в органы ВЧК — на передний край борьбы с самыми опасными врагами нашего Отечества. Здесь во всю ширь раскрылся талант Буйкиса-контрразведчика. Под непосредственным руководством Феликса Эдмундовича Дзержинского Ян Янович лично принимал участие в работе по выявлению и ликвидации крупнейшего заговора английских, французских и американских империалистов против молодого Советского государства, известного в истории под названием заговора Локкарта.

Контрразведчику Буйкису удалось внедриться в самое логово заговорщиков и выведать их коварные планы, что во многом предопределило успех крупнейшей операции, блестяще проведенной чекистами, операции, в которой поистине выдающуюся роль сыграл Ян Янович.

В 1919—1920 годах Ян Янович в качестве военного контрразведчика участвовал в ликвидации крупнейших националистических банд, действовавших на территории Украины. Благодаря его личной храбрости и мужеству, умелому руководству операциями в короткие сроки и при минимальных потерях для нас были разгромлены и ликвидированы опасные банды Шепеля, Гаевого, Иванова и другие.

После этого тов. Буйкис ряд лет работал в центральном аппарате ВЧК — ОГПУ — НКВД. Вся его жизнь была связана с органами государственной безопасности. Как истинный солдат революции, он всегда был готов выполнить любое ее задание.

Неоднократно Ян Янович бывал в гостях у коллектива «Огонька», выступал на страницах журнала.

Страстно и убежденно Ян Янович Буйкис рассказывал советским людям о том, как чекисты его поколения отстаивали Советскую власть, какую героическую работу проводили по обеспечению государственной безопасности молодой Советской республики.

Не хочется верить, что сегодня нет с нами Яна Яновича, что навсегда остановилось сердце большого патриота.

Каждый, кто знал Яна Яновича, на долгие годы сохранит в своей памяти его светлый образ.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

ПРЕДУПРЕДИТЬ!..

тическая средняя жирность молока составляет 3,9 процента, а по данным записей — 3,2—3,4 процента. Теперь он, как маг, превращает воду... в молоко. И так каждый день. К концу декады внушительное количество молока оказывается неучтенным. Именно таким способом заведующий одним из сепаратных отделений Белгородской области похитил 4,6 тонны молока, положив деньги за них в свой карман.

В другой деревне заведующий сепаратным отделением начисто «забывал» о том, что в любой сосуд емкостью в 1 литр можно налить 1 000 граммов воды или... 1 030 граммов молока. «Плохая память» помогла некоему Стреколову присвоить около 10 тонн молока. В ведомость были включены фамилии вымышленных лиц, и таким образом документально обосновывалось, что молока поступило в количестве, равном «неучтенному резерву». А далее уже идет махровая уголовщина. В расчетных документах подделываются подписи сдавших молоко. Деньги, якобы выплаченные, прикарманивает хапуга. Преступники были осуждены. Но нас интересовал не частный случай, а условия, облегчающие хищение за счет колхозников, рабочих, служащих, сдающих государству молоко.

ВОПРОС. Каковы практические результаты этих исследований?

Ответ. Мы установили, что система расчетов по принципу «приемщик — сдатчик» нуждается в совершенствовании. С учетом предложений института Генеральный прокурор СССР внес представление министру мясной и молочной промышленности СССР.

Сейчас приемщик молока лишился права рассчитываться наличными деньгами. Так закрылась лазейка, которой пользовались недобросовестные люди. Изменение системы расчетов выгодно не только государству, но и колхозникам, отдельным гражданам.

Или вот еще одна проблема из сферы хозяйственной: охрана грузов на железнодорожном транспорте. Перевозок стало больше, объем грузов возрастает, а вот техника их охраны несовершенная. Сотрудники института кандидаты юридических наук В. Е. Эминов и А. П. Егоров, изучавшие этот вопрос, пришли к выводу: надо тут открыть «зеленую улицу» современным электронным охранным устройствам. Железнодорожники пока еще робко пользуются новейшими техническими средствами предупреждения хищений.

Речь идет не только о будущем, когда появятся вагоны, оборудованные блокирующей системой с серией устройств, реагирующих на всякое движение внутри вагонов и передающих соответствующие сигналы на пульт локомотива. Уже сейчас у нас, например, есть все возможности отказаться от полиэтиленовых пломб, которые не очень надежно защищают помещение. Хочется поддержать тех товарищей, которые предлагают вместо дополнительных закруток с пломбами смонтировать замки несложной системы «секрет».

Мы надеемся, что в ближайшее время выйдут за рамки экспериментальной проверки тензометрические и вибрационно-частотные весы, позволяющие с большой точностью и без остановки вагонов производить их взвешивание,— это очень важно для предупреждения хищений.

Как и во всяком деле, так и в этом многие полезные идеи чрезвычайно просты. В одном зарубежном журнале высказано предложение разместить запорные устройства вагонов значительно выше той отметки, на которой они сейчас оборудуются. Тогда их можно открыть только с рампы или эстакады. Несложное, казалось бы, усовершенствование, а весьма полезное — я имею в виду охрану грузов.

Следует отметить, что Министерство путей сообщения СССР проявляет постоянную инициативу в улучшении методов сбережения перевозимых грузов.

ВОПРОС. Судя по тому, что вы сейчас рассказали, многие исследования института должны быть тесно связаны с развитием экономики?

Ответ. Безусловно. Мы работаем в контакте с самыми разными специалистами, в том числе и с экономистами. Обоснование наших предложений с экономических позиций, привлечение экономистов к криминологическим исследованиям — иными словами, стыковка правовых и экономических исследований происходит по различным каналам.

Так, например, институтом разработаны некоторые предложения по борьбе с хищениями в торговле. Во многих из этих рекомендаций учитывались мнения специалистов в организации и экономике торговли. Мы тщательно взвешивали эти рекомендации и с точки зрения их экономической целесообразности.

Наши сотрудники предложили установить на Рижской торговой оптовой базе Центросоюза и Латпотребсоюза так называемое промышленное телевидение, позволяющее контролировать помещения, где хранятся товары. Этот метод охраны прогрессивен и экономически выгоден. При нормальной эксплуатации базы сокращается число сторожей.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что нам частенько приходится наблюдать, как на передовом предприятии, внедряющем автоматическую систему управления — АСУ, охрана социалистического имущества ведется самым примитивным образом. Надо как можно быстрее ликвидировать этот разрыв. Необходимо усовершенствовать систему внутризаводского учета материальных ценностей, используя для этого счетные устройства. Требуют новейшей разработки методы анализа и оценки не только количества, но и качества сырья (мяса, шерсти, сахара и т. д.). Иначе мы будем не предупреждать правонарушения, а в лучшем случае только регистрировать их. Однако и хозяйственным руководителям следует учитывать требования криминологической науки.

Немалую роль тут должно сыграть воспитание чувства рачительного хозяина своего предприятия. В ходе наших работ нам, увы, еще приходится порой наблюдать факты бесхозяйственности, неэкономного расходования материальных ценностей, порчи дорогостоящего оборудования. Иногда списываются отходы производства, некондиционные товары, которые можно было бы использовать для производства товаров широкого потребления, для любителей домашнего конструирования (например, алюминиевые угольники, полиэтиленовые материалы, нестандартные радиодетали и т. д.). Бытует еще такая точка зрения: «Подумаешь, государство не обеднеет, если человек унес с завода банку краски, горсть шурупов или детали для приемника». И тут проблема воспитания граждан в духе соблюдения правил социалистического общежития — задача не менее важная, чем организационное или техническое обеспечение сохранности социалистического имущества.

ВОПРОС. Мне кажется, что в конечном счете преступление определяется свойствами личности человека, и если он честен, то не нужны никакие электронные сторожа. Не кажется ли вам, Владимир Николаевич, что предупреждать преступления наиболее целесообразно, применяя меры воспитательные?

Ответ. Я уже говорил, что профилактика — проблема комплексная. Нужна и охрана, нужно и воспитание, причем мерам воспитательным действительно принадлежит главная роль.

Индивидуальная профилактика преступлений требует хорошего знания людей, их нужд, забот, тревог. Поведение человека определяется многими факторами, в том числе и особенностями внешней социальной и физической среды. А если говорить о преступном поведении человека, то здесь главную роль играют не темперамент, не способности, даже не уровень интеллекта (хотя все это имеет определенное значение), а прежде всего его отношение к обществу, государству, людям и, наконец, к самому себе. Вот почему воспитание высокой коммунистической сознательности, уважения к закону, нормам морали — залог эффективности комплекса мер, связанных с предупреждением преступности.

ВОПРОС. Биологические свойства человека определяют его поведение или нет?

Ответ. Видите ли, я не генетик и могу ответить на этот вопрос лишь в той мере, в какой это относится к антиобщественному поведению. Я бы позволил себе провести такую аналогию. Представьте себе рояль, на котором можно сыграть самые разные мелодии. Зависит ли мелодия от конструкции рояля? И да и нет. Да — в том смысле, что число клавиш ограниченно, из этого инструмента можно извлечь лишь определенные звуки. Нет — потому что на рояле можно исполнить и фокстрот и похоронный марш. Мелодия зависит не от конструкции рояля, а от композитора и исполнителя. Так и поведение человека. Биологически наследственно обусловленные свойства личности слишком далеко отстоят от конкретного поступка. Эти свойства в известной мере определяют круг физических и психических возможностей человека. Но что именно он совершит, какова будет «мелодия» поступка, то есть его содержание и социальная направленность,— это уже зависит не от биологической конструкции организма, не от генов, а от мировоззрения, взглядов, привычек, интересов, социальных отношений человека. Его «композитор» — вся социальная жизнь, а исполнитель — он сам. Поэтому сам человек, а не его гены, не его родители, ответствен за свои поступки перед государством и обществом. Изменение условий жизни людей, всестороннее развитие человека — вот самая надежная основа предупреждения антиобщественных проступков и преступлений. В этом залог того, что с построением коммунистического общества преступность как массовое социальное явление будет ликвидирована.

ПОВЕСТЬ О ПОВАРИХЕ ЗАГИДАТ, БРИГАДИРЕ ЗУБАЙРЕ ДА О СТАРОМ ПАСТУХЕ ДАЛГАТЕ

Муса **МАГОМЕДОВ**

Рисунки В. ЮДИНА.

7

В районной аптеке Загидат купила лекарство для лица, которое выписала ей Майсарат, и пошла в универмаг.

— Вах! Это ты, Загидат?! — выскочил откуда-то заведующий магазином Мирза, живший когда-то в Арахе.— Здравствуй, Загидат!

— Здравствуй. Как здоровье?

— Слава аллаху, больше в больницу не попадал. Навсегда вылечили меня твои бульоны да блинчики со сметаной.

— Врачи тебя вылечили...

— Э-э, Загидат... Оно так, наверно, а только я считаю, что одни врачи не вернули бы мне здоровья. Золотые у тебя руки...

— Ладно уж, а то перехвалишь,— улыбнулась Загидат.— А я вот телевизор хочу купить.

— Телевизор? Я тебе, Загидат, самый лучший телевизор сейчас подберу. Десять лет будет работать без всяких ремонтов. Идем!

Мирза перебрал несколько телевизоров, подолгу колдуя над каждым. Он придирчиво проверял качество изображения, браковал один аппарат за другим. Наконец, потный и красный от усердия, сказал:

— Вот этот. Не будешь жаловаться, Загидат.

Телевизор запаковали, и Мирза сам помог донести его до остановки автобуса, делающего несколько раз в день рейсы в Арах. Загидат испытывала неловкость от такой услужливости этого человека, и в то же время ей было приятно, что вот не забывают люди ее скромных и незаметных дел.

В этот день еще раз убедилась Загидат, что прав был ее дядя Магомед, когда говорил ей частенько: «Делая добро людям, ты себе его делаешь. Добро, как эхо в горах: рано или поздно оно к тебе же и вернется».

Загидат стояла в тени дерева, поджидая автобус. Неожиданно перед ней остановилась коричневая «Волга», из машины, опираясь на костыль, вылез секретарь райкома партии Салманов.

— Загидат?! Здравствуйте! Вы чего здесь?

— Здравствуйте, Саидбег... Автобуса жду. Телевизор вот купила.

— Разве в Арахе их нет?

— Бывают... Трудно поймать, люди сразу раскупают их...

— Значит, понимают люди, что эта коробка радость в дом несет. Махмуд, пожалуйста, положи телевизор в машину,— сказал он шоферу.

— Что вы, Саидбег...

— Нам все равно по пути. Мы в город едем, сына врачам показать. Абидат, ты помнишь Загидат?

Жена Салманова, державшая на коленях двухлетнего сына, улыбнулась:

— Как же я могу забыть ее... Садитесь, Загидат.

Жена секретаря райкома за эти двадцать с лишним лет, кажется, нисколько не постарела и все еще выглядела худенькой девчонкой. Только седина в гладко зачесанных волосах да сетка неглубоких морщинок вокруг глаз выдавали ее возраст.

Зато сам Салманов заметно огруз, на изрезанном глубокими морщинами некрасивом лице годы отложили свою печать. Оно было не так безобразно, его лицо, как тогда, в 1943 году — время как-то сгладило шрамы и рубцы, затерло их красноту,— но все равно, подумала Загидат, смотреть на него без привычки, наверное, неприятно. Подумала и вздохнула. И еще подумала: лишь для Абидат это лицо самое красивое в мире, лишь она не замечает этих ужасных рубцов и шрамов...

Покачиваясь на мягком сиденье, Загидат вспомнила такой же солнечный и жаркий день 1943 года, когда в Хунзахский госпиталь прибыла очередная партия раненых фронтовиков. Сюда, в Хунзах, доставляли тех, кому для поправки нужен был еще и чистый горный воздух, настоянный на сосне. Загидат сразу же обратила внимание на человека, у которого не только руки и ноги, но и все лицо было в повязках.

— Это кто? — спросила Загидат у врача, когда человека в повязках клали на носилки.

— Капитан Салманов. Горел в танке, обуглился весь... Услыхал про нашего Арипа, попросил, чтобы сюда его привезли.

Знаменитый хирург Хунзахского госпиталя отлично делал пластические операции. Он недавно умер, Арип, а благодарные письма бывших фронтовиков, поздравления с праздниками все идут и идут в горный Хунзах из многих концов страны.

Вспомнила также Загидат, как однажды, помогая нянечкам кормить больных, вдруг услышала:

— Сестра, водички...

Это простонал он, Салманов. Загидат подошла, мокрой марлей провела по черным, залепленным растрескавшейся коростой губам капитана, дала напиться. Со стоном он сделал несколько глотков: даже малейшее движение губ причиняло ему невыносимую боль.

А потом, откинувшись на подушку, он долго смотрел почему-то на Загидат сквозь узкие щели сплошной марлевой повязки. В черных, очень уставших глазах было столько муки и одновременно надежды, что у Загидат похолодело под сердцем, и она сказала:

— У нашего Арипа золотые руки... Конечно, он вылечит вас, Саидбег. Слава аллаху, глаза у вас остались целые, а лицо вылечат.

Арип делал Салманову несколько операций. И настал день, когда Арип сказал:

— Все. Сделать что-либо большее я бессилен...

Через несколько недель сняли повязки. Полдня Салманов пролежал без движения и наконец, когда в палате никого из сестер и нянечек не было, проговорил:

— Загидат, пожалуйста... зеркало...

Многое бы дала Загидат, чтобы он не к ней обратился с такой просьбой. Но он выбрал почему-то ее...

И она подала ему зеркальце. Он медленно поднес его к своему лицу, глянул... Рука его дрогнула, зеркальце выпало, раскололось. Он повернулся лицом к стене и лежал так сутки — не пил, не ел, не разговаривал.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 16—18.

Подойти к Салманову никто не решался. И тогда, к исходу суток, Загидат присела у его койки и сказала:

— Ты же мужчина, Саидбег... Я вот женщина, лицо мое — смерть моя, и то... А мужчину шрамы только украшают.

Салманов молчал. И Загидат разрыдалась вдруг.

Скрипнула пружинная сетка. Салманов повернулся и сказал тихо и спокойно:

— Ты права, Загидат. Малодушие не украшает мужчину... А ты, Загидат, красивая... Душа у тебя прекрасная, и это видно на твоем лице... Это все... все остальное заслоняет.

Боже, как рада была тогда Загидат! Не от слов о ее душе, а оттого, что заговорил Салманов.

Он быстро начал поправляться. Наступил день, когда, опираясь на костыли, вышел в больничный сад.

Однажды, уже под осень, присев на скамейку, они разговорились.

— У вас есть родители, Саидбег? Многих навещают родственники, а к вам никто не приехал...

— Есть... Но я не писал...

— Даже матери?!

Загидат воскликнула это гневно, Салманов горько улыбнулся.

— Матери всегда полны заботы о сыновьях... Но вот матери-то и нет. Умерла.

— Кто же есть? Отец, сестры, братья, жена?

— Два брата на фронте. Отца тоже нет. Сестры никогда не было. И жены нет... Есть... или, лучше сказать, была... невеста... Абидат ее имя. В Махачкале живет. Но я ей не буду писать. Никогда не буду... Красивая она очень... К тому же артистка...

Падали с деревьев листья к их ногам, засыпали дорожку в госпитальном саду, пустые скамейки... «Подумаешь, она красивая... Да я бы за мужем, как бы он ни выглядел, на край света пошла...»

В тот же вечер она написала письмо в Махачкалу «Артистке Абидат». Она описала все: каков он сейчас, Саидбег Салманов, какие перенес мучения, почему не решается написать ей. Но она-то, Абидат, разве не чувствует женским сердцем, что жив Саидбег, что рядом он и что он достоин не только ее, но самой красивейшей и благороднейшей женщины гор?.. Так примерно написала тогда она, хотя упрекала Абидат, как сейчас понимает, зря...

Через несколько дней в госпиталь не вошла, а ворвалась молодая и очень красивая девушка. Голубые глаза ее, кажется, искрились, щеки полыхали... Она сдернула с шеи косынку и вскрикнула:

— Где он? Саидбег...

Ее повели к палате по длинному коридору. И напрасно обвиняла ее Загидат, что не чувствует она женским чутьем, где ее Саидбег. Ни у кого не спрашивая, где его палата, обогнав сестер и нянечек, обогнав самого доктора Арипа, она распахнула одну из дверей, замерла на пороге. Прекрасные глаза ее широко раскрылись, длинные ресницы задрожали, и потекли из них обжигающие струйки слез.

— Саидбег! Родной мой!— задыхаясь, прокричала она и кинулась ему на грудь.

— ...А я сегодня с председателем вашего колхоза беседовал...— Голос секретаря райкома партии вернул Загидат из прошлого в настоящее. Тогда, наблюдая встречу Саидбега и его невесты, она разрыдалась. И сейчас, вспомнив о той их встрече, Загидат тайком смахнула проступившую слезинку.— Очень он хвалил Зубаира. Его бригада намного перевыполнила план заготовки кормов. Тут и ваша заслуга, Загидат...

— Какая уж моя заслуга! Мое дело — кастрюли да тарелки.

— Саидбег до сих пор помнит, чем вы кормили его в госпитале,— улыбнулась Абидат.— Часто просит: свари-ка мне кашу на сушеных абрикосах, как Загидат... Я варю, стараюсь... Он съест и обязательно скажет: да, вкусно. Но все равно не как у Загидат...

— Я вот как-нибудь отправлю тебя на месяц-другой к Загидат поучиться,— улыбнулся Салманов.— Тарелки, говоришь... Очень это важное дело — кастрюли да тарелки. Ведь говорят же, что после скучного обеда и работа не веселит...

Вдруг всех в машине качнуло вперед — прямо перед стеклом вспорхнула куропатка, а ее птенцы быстро перебежали дорогу и скрылись в траве.

— Ой, какие крошки!— воскликнула Абидат.— Еще и летать не умеют...

— Научатся... Молодец, Махмуд, вовремя притормозил. Теперь у всех, кто находится в этой машине, будет счастливой дорога жизни. Есть такая примета в народе,— сказал Салманов.

«Будет счастливой дорога жизни...» — мысленно повторила Загидат. И она почти наяву увидела: вот стоит она на веранде своего дома и улыбается — по улице идет Зубаир, ведет за руку их сына...

8

— Хе-хе, Зубаир, ты умный человек, а многого не понимаешь. Ты хороший бригадир, председатель Гимбат тебя хвалит, секретарь райкома партии товарищ Салманов с тобой за руку здоровается, а рассуждаешь, как ребенок... Красота — это штука такая... этакая... да еще и обманчивая. Иногда яблоко с виду красивое и сочное... Ну, просто, как солнце, горит. А разрежешь — внутри гнилое.

Так говорил старый Далгат, посасывая самокрутку и поглядывая на пасущихся рядом коров. Зубаир молча расчищал площадку под скирду, иногда презрительно хмыкал, кривил губы и сплевывал на землю.

Они вели философский разговор о сути и смысле красоты. Собственно, вел его один Далгат, он подошел, сел, скрестив ноги и поджав их под себя, вынул бумагу, табак, спички и начал, начал... Зубаир только слушал, все больше краснея.

Жгло солнце, трава, которую недавно скосили здесь, в Арутлинской долине, давно высохла, колхозники сгребли ее в кучи и после обеда начнут возить сюда. Времени у Зубаира мало, надо успеть приготовить площадку, а тут Далгат этот зудит и зудит над ухом.

— Эй, Заграт, Кумсилят, куда, куда направились?!— прикрикнул он на коров.— Ну-ка, назад...— И встал.

Всех коров он называл по именам их хозяек. Сначала женщины обижались, а потом привыкли.

Едва Далгат встал, коровы тотчас повернули обратно. Зубаир усмехнулся, но и тут промолчал.

— Да-а...— протянул Далгат, усаживаясь на старое место.— Вот моя покойная Чокар — пусть аллах сделает ее своей любимицей в раю,— да, Чокар моя покойная говорила: «Чтобы заметить чистоту источника, достаточно нагнуться и поглядеть в него. А чтобы вкус воды узнать, надо отведать хоть глоток...» Умная была у меня Чокар. Это, Зубаир, не только я говорю, это все в ауле так считают.

— Слушай!— взорвался наконец Зубаир.— Что ты болтаешь тут? Битый час слушаю тебя и понять не могу, о чем ты говоришь?

Далгат откликнулся с простодушным удивлением:

— Так я о Загидат тебе толкую, неужели непонятно?

— Что-о?

— А что? Ты вдовец, она свободна... Почему бы вам не свить теплое гнездо?

— Да ты...— Зубаир задохнулся, шагнул к Далгату, сжимая в руках грабли. Бригадир будто намеревался ударить старого пастуха. Усы его дрожали от гнева, в глазах метались молнии. Но Далгат сделал вид, что ничего этого не замечает.— Ты какое имеешь право тут... чего нос в такие дела суешь?

— А что?— опять наивно спросил Далгат.— Ждешь, что ли, когда красавица хурулин к тебе с неба спустится?

— А тебе какое дело? Может, и жду...

— Я же говорю: как ребенок, ты рассуждаешь. А ведешь себя так, будто сроду папахи еще не надевал.

— Уходи отсюда, понятно? Не мешай работать. Прогноз передали: дождь может быть, нам сено заскирдовать надо, а ты тут...

— Да разве я мешаю, Зубаир? Я не мешаю тебе работать. Ты работай и слушай меня... У Загидат лицо рябое, это верно... Да только, как любила повторять моя Чокар...

— Убирайся, говорю, к черту со своей Чокар!

— Ай-ай, какой сердитый! Аллах простит тебе, что ты находящуюся на небе оскорбляешь. Но я все же скажу тебе: у Загидат такая же красивая и благородная душа, как ее фигура. А уж кормить она тебя будет...

— Замолчишь ли ты наконец?

— Телевизор недавно она купила... Я ходил передачу вчера смотреть — просто удивительно, как хорошо показывает. Вот ты представь: устал после работы... Работать ты хорошо умеешь, это всем известно. Да, устал, пришел домой... Загидат тебя таким ужином накормила, что у-ух! — Старый пастух, изображая блаженство, закрыл глаза.— А потом ты в уютной, чистенькой комнате сел перед телевизором.

— Аллах, если ты есть, уйми этого старика!— взмолился Зубаир.

— И уважение она имеет, Загидат. И здесь, в ауле, и в районе. Слышал ты, что сам секретарь райкома партии товарищ Салманов тот телевизор на своей коричневой машине «Волге» привез и в дом помог занести?..

— Если такая Загидат... и добрая и благородная...— Зубаир багровеет, как облако на закате, задыхается от гнева,— и Салманов ее в машине возит... и телевизор имеет... женись сам на ней!

— Хе, женись... Я бы с удовольствием, да какой из меня жених теперь... Был посох да износился, опирался я им о каменные кручи, а он истерся весь. Долго служил, да вот и стерся... К тому же в сердце у нее другой... Усатый такой, сердитый... Он все в солдатской гимнастерке ходит. А иногда, правда, надевает рубаху из химии да коричневую папаху...

— Тьфу!— не выдержал наконец Зубаир, отшвырнул грабли и пошел, почти побежал прочь.

А старик не тронулся с места. Прищурив глаза, он глядел на мокрую спину Зубаира, обтянутую вылинявшей на солнце гимнастеркой. И про себя произнес:

— Ничего, Зубаир... Хорошо, Зубаир. Посмотрим, как ты побежишь... и куда побежишь, когда узнаешь кое-что от Махсута и Майсарат. Только бы не подвела меня молодежь...

9

Тревожный прогноз начал сбываться через несколько дней. Небо хмурилось, подул ветер, и наконец темные тучи огромной папахой нависли над вершиной Чора-Меэр.

Но Зубаир был спокоен: все сено, собранное в Арутлинской долине, было сложено в скирды.

По случаю непогоды Зубаир разрешил членам своей бригады денек отдохнуть. Сам он, вернувшись с луга, побрился, помылся и вечером решил пойти в клуб. Может быть, и Майсарат будет, размышлял он. Надо же как-то с ней встретиться и поговорить... Можно было бы снова прямо в дом Загидат прийти, да... Проклятый Далгат наговорил черт-те что... «В сердце у нее другой... Усатый такой, сердитый... Он все в солдатской гимнастерке ходит...» С какой это стати я у нее в сердце? Когда-то, давно-давно, верно... вроде бы... А потом она меня сама прогнала... Ну да, она добрая и славная, Загидат... А все остальное наврал несносный старик. Наврал, а все ж таки неудобно к ней в дом...

Переворачивая в голове эти мысли, Зубаир вышел из опостылевшего, неуютного своего дома, зашагал по улице. «А вдруг да вышла бы сейчас Майсарат»,— подумал он, поравнявшись с домом Загидат. И едва подумал, открылась калитка, и Майсарат появилась на улице. У Зубаира екнуло сердце: вот это удача!

А Майсарат хотела было идти куда-то, но, увидев Зубаира, остановилась.

— Ой, Зубаир, здравствуйте!— И заулыбалась радостно и чуть лукаво.— А фонарик при вас?

— Есть, есть фонарик...—выдавил из себя Зубаир.

— Ой, как хорошо. Вы ведь в кино, правда?

— В кино...

— Пойдемте вместе. А то такая погода, в темноте я не найду обратную дорогу. Вы меня и обратно проводите. А, ладно?

«Ладно ли? Она еще спрашивает, о аллах! Он не только проводит ее, он... он на руках понесет ее туда и обратно... Он...»

— О Майсарат... Головная боль, которая мучает меня с тех пор... с тех пор, как ты приехала, начинает проходить...— проговорил Зубаир, испытывая смущение, как мальчишка.

— Правильно. Я же врач,— опять улыбнулась Майсарат такой улыбкой, что в груди у бедного Зубаира все приятно онемело.

Потом они шли, болтая о всяких пустяках. Смущение Зубаира как-то быстро прошло, он рассказывал о своей холостяцкой жизни, все изображая в самых смешных тонах и преувеличивая.

Возле клуба никого не было, кроме агронома Махсута. Он стоял у высокого крыльца, одетый по-дорожному, и кого-то ждал.

Увидев подошедших Зубаира с Майсарат, он поднял руку, приветствуя их, но с места не тронулся. Зубаир тоже помахал ему рукой и стал подниматься на крыльцо. Но Майсарат остановила его.

— Ой, подождите, пожалуйста, я попрощаюсь с Махсутом. Он ведь в Махачкалу на совещание уезжает...

«В какую Махачкалу? На какое совещание? Что-то я не слышал...— подумал Зубаир.— А потом, что с ним прощаться? Пусть себе едет, раз нужно...» Однако вслух сказал:

— Я подожду, подожду...

Он поднялся на все пятнадцать ступенек и остановился на крыльце. И едва остановился, услышал:

— Возвращайся скорее, Махсут. Я буду очень скучать по тебе...

Ступеньки качнулись под Зубаиром. Что такое, что это он слышит?! Он поглядел с крыльца вниз и увидел: Майсарат уткнулась лбом в грудь агроному, а тот поглаживает ее по плечам.

«О аллах! Да когда же это они успели?! Нет, не может быть...». И Зубаир, чтобы не упасть, схватился за перила крыльца.

А Майсарат между тем громко говорила:

— Обязательно, Махсут, зайди к матери моей Марзигат. Скажи, что я жива-здорова. Узнай, как здоровье дедушки Абдуллы. Дедушка все чаще стал прихварывать, я очень беспокоюсь. Передай им обоим мои подарки.

— Я обязательно зайду и к матери твоей Марзигат и к дедушке Абдулле. Я очень люблю твоего дедушку, знаменитого на весь город шапочника Абдуллу...

Теперь из-под Зубаира, хотя он крепко держался за перила, поплыло куда-то все крыльцо. «Марзигат, Марзигат...— долбило в уши.— И шапочник Абдулла! Неужели Майсарат — дочь Марзигат?!»

Махсут и Майсарат еще о чем-то говорили. Но Зубаиру теперь было не до них. Как орел, попавший в сеть, он метался на высоком клубном крыльце, не зная, куда скрыться. Идти теперь в клуб нечего и думать. Спускаться вниз по ступенькам — увидит Майсарат. «Какой позор, на весь Арах чуть не оскандалился!..»

Слыша, что Майсарат и Махсут говорят последние прощальные слова, понимая, что сейчас ему и глаз не поднять на эту девушку — дочь Марзигат и внучку Абдуллы, Зубаир крутанулся влево, вправо. Потом перемахнул через перила, с трехметровой высоты спрыгнул на землю и побежал за угол клуба.

— Зубаир, где же вы?— услышал он возглас Майсарат.— Зубаир!

Но Зубаир, зажав голову обеими руками, точно боялся ее потерять окончательно, лишь поддал ходу...

Перевел с аварского Анатолий Иванов.

Продолжение следует.

МЕЛОДИЯ НЕИСЧЕРПАЕМА

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Фото Л. Шерстенникова.

Когда-то у Чайковского спросили: можно ли еще, по его мнению, говорить что-либо новое в музыке?.. Не будет ли это повторением уже созданного?..

— Нет,— ответил Чайковский.— Музыкальный материал, то есть мелодия, гармония и ритм, безусловно, неисчерпаем. Пройдут миллионы лет, и если музыка в нашем смысле будет еще существовать, то и тогда все те же семь основных тонов нашей гаммы — в их мелодических и гармонических комбинациях, оживляемые ритмом, будут служить источником новых музыкальных мыслей...

Вот тут мы и находим ориентир вечного в музыке. Мысль!.. Она определяет зрелость художника, а не его возраст.

Татьяна Чудова — самый молодой музыкант в Союзе советских композиторов, но в свои двадцать семь лет она автор многих известных произведений, которые исполняются в концертах, по радио и на телевидении; окончив аспирантуру, Татьяна Чудова стала ассистентом Тихона Хренникова — профессора Московской консерватории по классу композиции.

Многие ученики Чудовой старше, чем она. Но опять-таки что значит возраст, если завоеван авторитет!

Обучение композиции — особая тема. Конечно, свой собственный творческий дар в ученика не вложишь, но этот дар можно развить, можно воспитать вкус, наконец, можно научить технике, технологии композиции, без которой мастерства не достигнешь... Главное же — воспитать в учениках вдохновение поиска.

Предела поиску в творчестве не бывает. Направление же поиска каждый выбирает сам, так же, как и его ориентиры... Каковы они у Татьяны Чудовой?

— В современной музыке,— говорит Чудова,— возможны самые разнообразные средства, в том числе и те, что не использовались и даже не воспринимались раньше...

В истории русской музыки Чудова больше всего любит и ценит четырех композиторов, чье творчество образует как бы единый процесс, развивая общие традиции. Каждый из этих композиторов продолжает предыдущего, в то же время внося новое, свое, что определяет его собственную личность художника и творца.

— У Мусоргского,— говорит Чудова,— главное — трагедийность, драма народная, ни у кого — ни до него, ни после — не было таких живых, ярких по своему драматизму образов... У Римского-Корсакова — поразительная красочность, сказочность, живописность. У Стравинского современно выражено то, что сказано Мусоргским и Римским-Корсаковым: он нашел новый подход к русскому фольклору, дал современное его осмысление. А у Прокофьева поражает еще и масштабность темы, ее мощь, сила... И все они,— повторяет Чудова,— звенья одной цепи: их творчество связано национальными корнями, в мировом искусстве они выражают именно русское, народное...

В творчестве самой Татьяны Чудовой эта тема представлена симфонической сюитой «Из русских сказок», оперой «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», циклом песен «Русские женщины». Разножанровые, разностилевые произведения эти объединены страстным интересом к русской истории, увлечением народным творчеством. И этот сознательный выбор определяет творческую позицию художника, хотя личность художника, конечно, формируют не только литературные и музыкальные привязанности, не только воздействие великих кумиров, но и сама жизнь — ее впечатления, встречи...

Родилась Татьяна Чудова в семье музыкантов; отец ее окончил Московскую консерваторию по классу кларнета и скрипки, мать училась на факультете народных инструментов в училище имени Октябрьской революции... Татьяна с детства слушала русскую народную музыку, играла в оркестре народных инструментов, которым руководила ее мать. Порой Татьяне приходилось заменять то «заболевшую» скрипку, то балалайку, то домру... Музыку она начала сочинять рано и после окончания Центральной музыкальной школы стала учиться в консерватории по классу рояля и композиции, вначале у Шебалина, потом у Хренникова.

Каждый год в консерватории устраивались фольклорные экспедиции для студентов — композиторов и теоретиков. Они ездили по стране, забираясь порой в очень глухие районы, собирали народный песенный материал — частушки, наигрыши. Вологодская, Архангель-

ская, Новгородская, Брестская, Черниговская области, Сибирь, Поволжье, Прииртышье, русские села Молдавии дали Чудовой огромный материал — более тысячи песен и наигрышей. Но его еще нужно было обработать, по-новому воссоздать, преломить в собственном творчестве. А для этого важны были встречи с людьми, впечатления от поездок — все то, что накопила память, что становилось катализатором творчества.

В симфонической сюите «Из русских сказок» у Чудовой есть «Аленушка», напоминающая по своему звучанию русские обрядовые плачи. Татьяна услышала их от одной старушки лет восьмидесяти на Вологодчине...

Старушка долго отказывалась петь, не поддавалась ни на какие уговоры.

— Нет,— говорила она,— это грех. Без покойника, без похорон петь нельзя: грех!..

Но в конце концов студенты-консерваторцы ее упросили... В северной избе-пятистенке с маленькими завешанными оконцами теплится огонек. Старушка, взяв зипун, закутала его, обвязала платком и стала ходить вокруг него с жалобными причитаниями, будто бы голося над покойником... Только искреннее чувство рождает песню-плач.

Творческая фантазия плакальщицы требует опоры в образе. И вот хоть бы этот зипун дает ей толчок, помогает вообразить, представить причину горя... Иначе говоря, старушка плакальщица использует то самое «если бы», о котором говорил Станиславский: ей необходим рычаг, переводящий «артиста из повседневной действительности в плоскость воображения».

Однообразные жалобные причитания старушки поднялись до скорбного плача; слезы текли по ее лицу, руки стиснуты в отчаянии... Что тут жило: подлинное, реальное чувство или искусство, вдохновенное, высокое? Трудно сказать... Был трагический образ горя, искренней человеческой скорби.

...Занимаясь с учениками, Татьяна Чудова, кроме поправок, советов, замечаний, каждому что-то говорит в одобрение. Что это, педагогический метод?..

— Если хотите, да. Метод,— отвечает Чудова.— Ученикам необходимо хотя бы время от времени слышать добрые слова: ведь музыку сочинять очень трудно, по себе знаю. И потом нельзя требовать, чтобы музыку сочиняли постоянно, ее надо накапливать...

А как она сама сочиняет?..

— Я почти всегда пишу за столом, когда все уже услышано внутренним слухом... К роялю подхожу только проверить что-нибудь, а так слышу все по голосам — какой инструмент где будет играть: где флейта, а где тромбоны... А вообще не знаю, как сочиняю. Не было мелодии — и вдруг пришла!.. Как? Не умею объяснить. Да ученики вовсе и не ждут, чтобы им это объяснили. Важно, чтобы музыка шла не «из рук», а «из головы», чтобы ее сначала в себе услышать, а потом записать.

«Всякая форма музыки,— писал Ромен Роллан,— связана с известной формой общества и позволяет нам лучше ее понять».

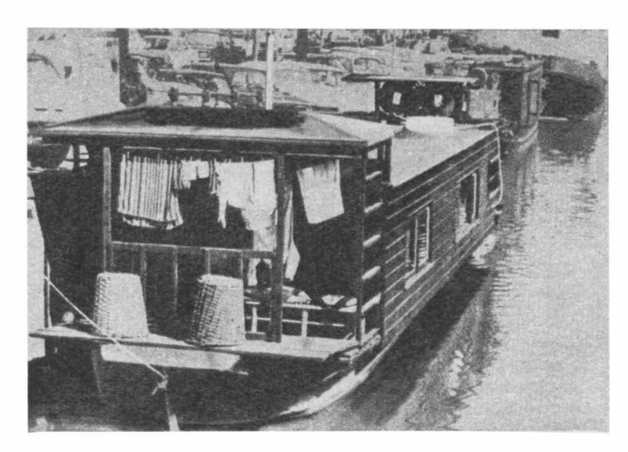
Музыка Чудовой современна в полном смысле слова, она полна мысли, живого юмора. Чудова любит своих героев, и мы тоже начинаем их любить.

«Иванушка на гармошке играет» — так называется одна из частей ее симфонической сюиты. Иванушка решил повеселить народ музыкой, взял гармонь, а играть не умеет, даже не знает, как надо держать гармошку, перевернул ее вверх ногами... Смеется народ, а Иванушка обиделся, рассердился; парень он упрямый: рванул гармошку, а она возьми да и разорвись у него в руках...

Вот из таких сценок-картинок и состоят сюиты «Солдатская бравая», «Сивка-Бурка», «Марья-краса русая коса».

И в каждой живет еще и характер самого автора. Живет сильная, самобытная индивидуальность мастера.

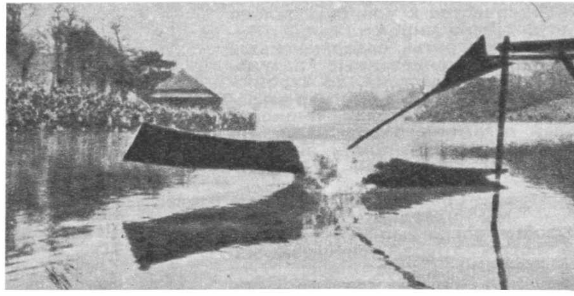

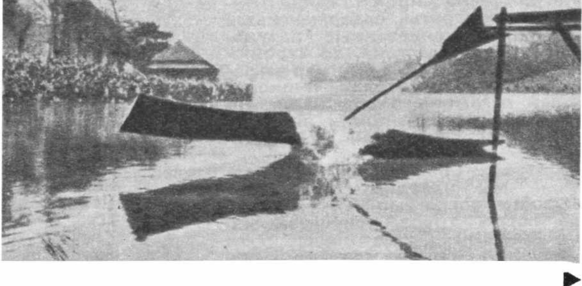

Снимок сделан в столице Голландии. На знаменитых амстердамских каналах стоят на вечных стоянках многочисленные «воонботы» — потемневшие от времени деревянные баржи. Это жилища бедноты, «дома» тех, для кого не нашлось места на берегу.

По официальным данным, в Голландии насчитывается не менее 375 тысяч квартир-трущоб, совершенно непригодных для жилья и тем не менее заселенных людьми. Но для обитателей «воонботов» недоступны даже и такие «квартиры».

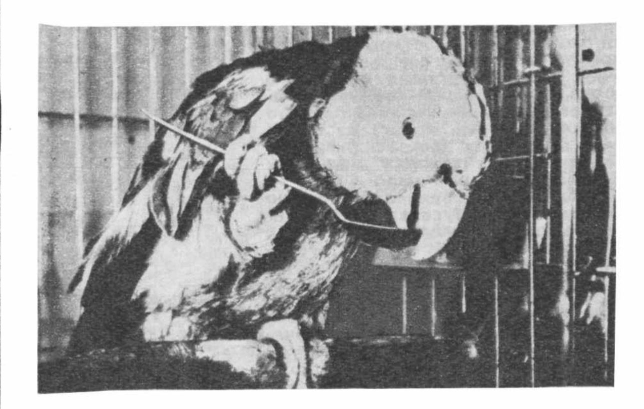

Это случилось в Ливерпуле. Синс Крисмас, студент местного университета, заключил пари со своими друзьями, что сможет совершить полет при помощи аппарата собственной конструкции. На берегу городского озера собралась большая толпа зрителей, привлеченных возможностью увидеть, как человек парит в воздухе. Однако последователя Икара постигла досадная неудача — падение в воду.

Впервые в США (Филадельфия) сформирована группа женщин-полицейских, обучающихся владению оружием. До сих пор представительницы слабого пола, служившие в полиции, выполняли лишь функции вспомогательного характера. Однако из-за огромного числа преступлений и актов насилия, а в Соединенных Штатах в среднем каждые 58 секунд совершается преступление, власти сочли необходимым мобилизовать также на охрану порядка и женщин.

Известно, что попугаи умеют подражать. В Англии любят чай. Попугай Фло, обитатель Лондонского зоопарка.

В Чикаго сошел с рельсов поезд. Два вагона рухнули с моста на одну из улиц города. Свыше двадцати пяти человек получили ранения.

Фото ТАСС, ЮПИ, из журнала «Джорни — Вие нуове».

ПУТЬ ХУДОЖНИКА

Новая вышедшая в свет монография о творчестве художника... Эта книга обладает удивительным качеством, если особенно речь идет о находящемся в пути живописце. Листая страницы издания, пристально вглядываясь в, казалось бы, знакомые черты уже виденных тобою полотен, все же как бы снова знакомишься с ранее известным тебе художником.

Новое знакомство... С тою лишь разницей, что видишь не отдельные, случайные работы, не присутствуешь на очередном вернисаже, где иногда шум и столкновение полярных мнений заменяют спокойный анализ искусства, требующего, как известно, несуетности в оценках. И не просто попал в студию художника на просмотр новых работ.

Новая монография. Неспешно листаешь страницы книги. И словно перед тобою предстает живое лицо художника. Взволнованное. Сложное.

«Илья Глазунов».

Обложка... Широко распахнув крылья в весеннем, голубом просторе, парит «Русский Икар». Его глаза — изумленные и восторженные — как бы вобрали в себя всю звенящую синь весны. Всю силу и напряженность мечты.

Тема подвига. Романтическая, приподнятая. Любимая тема художника. И недаром с таким чувством выполнены работы, созданные Глазуновым в борющемся Вьетнаме. Вглядитесь в тонкие черты юной Ланг Тхи Хием. Переверните страницу — и вас остановит мудрый, все повидавший взгляд старого Нгуен Тат Зау. Изборожденное, как сама земля наша, морщинами лицо. Большая, полная тревог и радостей жизнь за плечами этого стоящего на пороге семидесятилетия человека. Мы будто видим отблески пожаров и слышим скрежет войны, глядя на этот портрет. В листах вьетнамской серии продолжены традиции русской реалистической школы рисунка.

Русская школа. Она особенно ярко предстает в иллюстрациях Глазунова к произведениям Мельникова-Печерского, Куприна, А. Толстого, выполненных к изданиям собраний сочинений писателей в приложениях к журналу «Огонек».

Особенно близки по духу и поэтому удались художнику листы к романам Мельникова-Печерского «На горах», «В лесах».

Созданию этой серии предшествовала большая работа по сбору и изучению материала. Глазунов едет в места, воспетые Мельниковым-Печерским. Вот как описывает художник встречу с легендарным озером: «За селом, как в сказке, три дороги круто расходятся — прямо, направо, налево. Пошел прямо и не ошибся. Впереди, за полем, лес,— вспомнил нестеровскую картину «Два лада» — березы, белые и нежные, стеной стоят за полем на холме. И вдруг... Вот оно — озеро... Маленькое, ровное, почти круглое. Вода прозрачная и недвижимая, как налитая в огромную чашу, края ее образуют с одной стороны холм, а с другой — поля, где некогда росли дремучие леса...»

И это состояние восторга и любви автор выразил в образах Фленушки, Дуни Смолокуровой.

Но творчество художника далеко не ограничено миром старины. Интересны портреты, содержательны композиции, привезенные Глазуновым из Таджикистана, со стройки Нурекской ГЭС. Это пример отражения нашего сегодня, кипящих будней гигантского созидания. Не менее впечатляют листы портретной серии, созданной на Рязанщине.

Портрет... Среди работ Ильи Глазунова мы находим полотна и рисунки, посвященные художником людям труда, искусства, науки. Живописец ищет новые пути в решении образа современника. Экспрессия и тонкость характеристики, глубина проникновения и оригинальность формы выражены в портретах доярки Пелагеи Ковровой, сварщика Курбана Гулова, итальянского кинорежиссера Феллини, мексиканского монументалиста Сикейроса, французских актеров театра Жана Вилара.

Достоевский... Еще на первой выставке в ЦДРИ внимание зрителя привлекли работы Глазунова, раскрывающие грозовую напряженность мира гениального писателя. И работа над образами Достоевского не прерывалась художником. В монографии широко представлены иллюстрации к «Идиоту», «Преступлению и наказанию», «Неточке Незвановой».

«Белые ночи». Мрачная, окутанная тайной жизнь старого Петербурга. Призрачная свежесть белых ночей. Гулкая пустыня огромного города, по которой мечутся неустроенные души героев. Все это выпукло и зримо предстает перед нами в образах Мечтателя и Настеньки, в пейзажных рисунках северной столицы России.

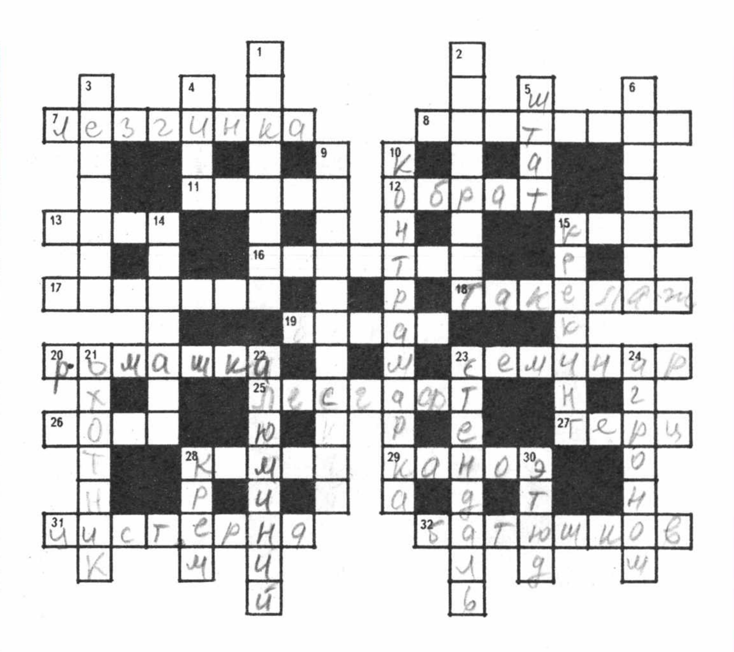
Художнику довелось вплотную увидеть мир искусства современного модернистского Запада, где еще царствуют абстракция, «поп-арт» и всяческие «измы». И в тяготении Глазунова к декоративности и красочности в создании образов человека-созидателя, в стремлении возродить традиции творчества живописцев, певцов Руси главенствует дух противоборства и отрицания модернистского западного искусства, утверждающего бездушие, уродство, бесчеловечность, цинизм... «Сегодня Глазунов,— заканчивает автор текста монографии,— мастер самобытного творческого почерка, художник острый, с ярким напряженным колоритом. Хотелось бы, чтобы эти его данные помогли ему еще ближе подойти к решению проблем сегодняшнего дня, волнующих современников...»

Илья Глазунов — художник смелого и страстного поиска. Его творческий путь сложен и не всегда ровен. Но мы вправе ожидать от него новых творений. Порукой этому монография, рассказывающая об его искусстве.

В конце хочется отметить превосходное полиграфическое исполнение издания. Это сделал коллектив ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, напечатавший эту красочную книгу.

К. СЕРГЕЕВ

«Илья Глазунов». Монография. Издательство «Изобразительное искусство». Автор текста И. Языкова. 1972.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Кавказский танец. 8. Действующее лицо пьесы М. Горького «Старик». 11. Актриса МХАТа. 12. Обезжиренное молоко. 13. Часть зрительного зала. 15. Минеральная хромовая краска. 16. Химический элемент. 17. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 18. Совокупность всех снастей судна. 19. Боевой молот, древнее оружие. 20. Цветок. 23. Групповое занятие по специальной теме, предмету. 25. Врач, автор научной системы физического воспитания. 26. Пушной зверек. 27. Немецкий физик, доказавший существование электромагнитных волн. 28. Промысловая рыба. 29. Спортивная лодка. 31. Резервуар для хранения жидкостей. 32. Русский поэт.

По вертикали: 1. Город на Украине. 2. Четвертая часть круга. 3. Форма движения материи. 4. Нотный знак. 5. Административное деление некоторых государств. 6. Река в Кемеровской области. 9. Автор трилогии «Песнь над водами». 10. Талон на право посещения театра. 14. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 15. Способ переработки нефти. 21. Роман Д. Олдриджа. 22. Металл. 23. Французский писатель. 24. Специалист по сельскому хозяйству. 28. Косметическая мазь. 30. Набросок с натуры.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18.

По горизонтали: 5. Кабардинка. 8. Мотобол. 9. Стеллаж. 10. Анжу. 11. «Манас». 13. Трике. 15. Нарвик. 17. «Провинциалка». 20. Калька. 23. Клодт. 25. Пьеса. 26. Анды. 27. Лазурит. 28. Черника. 29. Петрология.

По вертикали: 1. Барбюс. 2. Паллада. 3. Миссури. 4. Акцент. 6. Токарь. 7. «Кавказ». 12. Анероид. 14. Рашкуль. 15. Новак. 16. Коала. 18. Колчан. 19. Пасека. 21. Алатырь. 22. Клычков. 24. Терцет. 25. Персик.

На первой странице обложки: Орден Отечественной войны. Учрежден 20 мая 1942 года.

Фото Е. Савалова.

На последней странице обложки: Пражанка. Фото А. Штястнего (журнал «Кветы»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

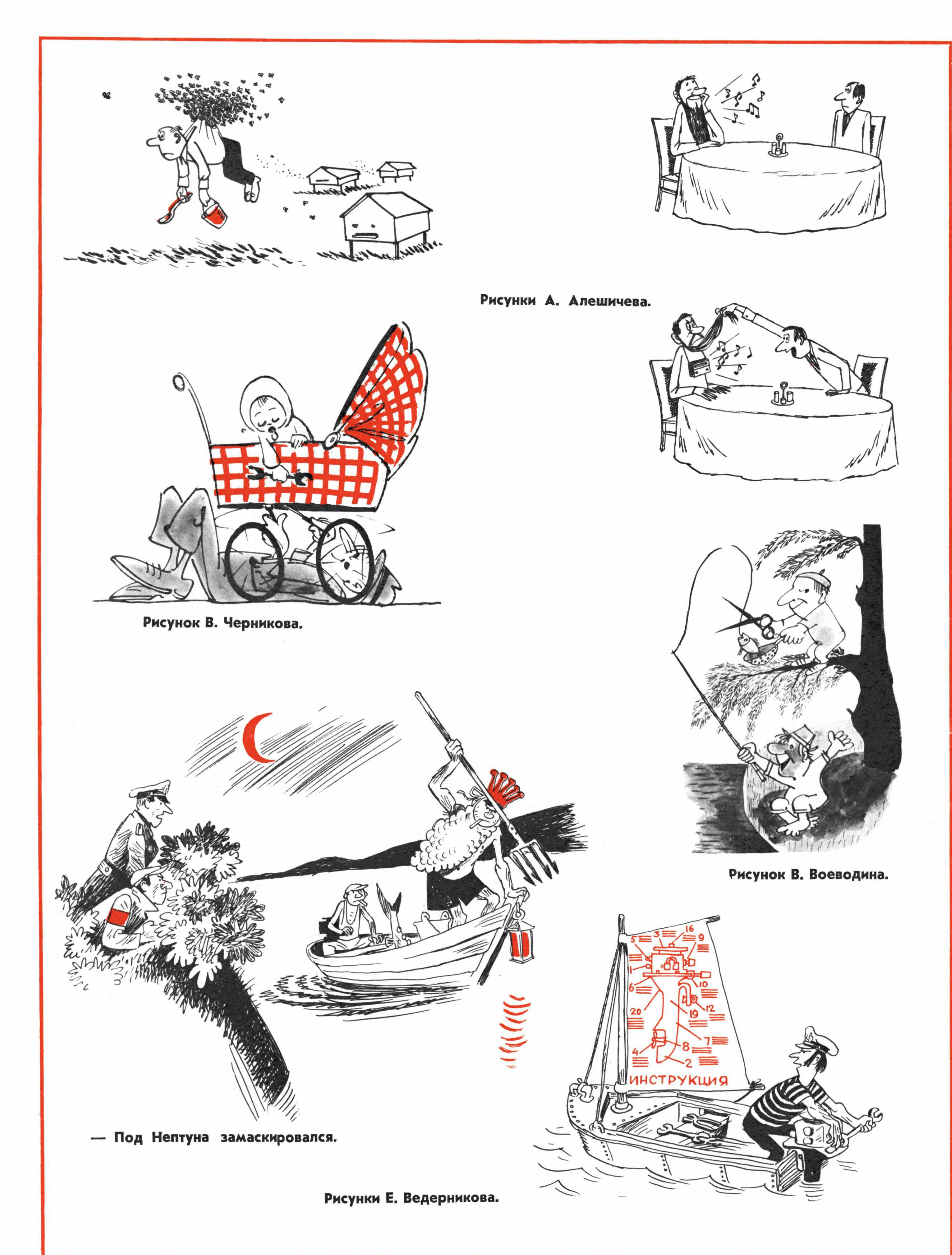
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/IV-72 г. А 00671. Подп. к печ. 2/V-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 918. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2754.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Рисунки А. Алешичева.

Рисунок В. Черникова.

Рисунок В. Воеводина.

— Под Нептуна замаскировался.

Рисунки Е. Ведерникова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663